

Александр Амурчик

Бар-дельеро! Vaschanale

Цикл «Прутский Декамерон». Книга 2

Александр Амурчик

**Бар-дельеро! Vaschanale. Цикл
«Прутский Декамерон». Книга 2**

«Издательские решения»

Амурчик А.

Бар-дельеро! Vaschanale. Цикл «Прутский Декамерон». Книга 2 /
А. Амурчик — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836182-1

Кажется, что это незатейливые истории сексуальной самореализации юноши в псевдопуританском социалистическом обществе. Но вчитайтесь — и вы обнаружите, что это острые горькие книги о сочувствии ближнему и естественных радостях бытия. В стране, где высшим достоинством представляется сила, высшей добродетелью — деньги, а высшим духовным взлётом — половой акт, дети рождаются от случайного зачатия и, вырастая, продолжают унылый порочный круг. Автор нашёл в себе силы выйти за пределы этого круга.

ISBN 978-5-44-836182-1

© Амурчик А.
© Издательские решения

Содержание

Новелла первая. Катрин	6
1	7
2	26
Новелла вторая. Парткомиссия	28
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Бар-дельеро! Васчанале
Цикл «Прутский Декамерон». Книга 2
Александр Амурчик

© Александр Амурчик, 2017

ISBN 978-5-4483-6182-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Новелла первая. Катрин

Коктейль «Дамский»

Малиновый ликер 50 мл.

Красное сухое вино 200 мл.

Красный портвейн 50 мл.

Вишневый сироп 100 гр.

Красное шампанское 100 мл.

Разлить в бокалы, подавать со льдом.

*Не нажив ни славы, ни пиастров
промотал я лучшие из лет,
выводя девиц-энтузиасток
из полуподвала в полусвет
Игорь Губерман*

1

В один из скучных и тоскливых вечеров, какие нередки у нас в провинции весной, как, впрочем, и в любое другое время года, ко мне в бар заглянул мой старый приятель по имени Яков. Яшка – по национальности горский еврей (так он сам себя называет) предложил на выходные – субботу и воскресенье – съездить вместе в Кишинев, чтобы погулять и развеяться, он, мол, регулярно так свои выходные проводит.

Дополнительно Яков сообщил, что в ближайшие выходные в столице Молдавии на свою ежегодную встречу соберутся его земляки – горские и бухарские евреи – солидные деловые люди, проживающие в разных концах республики, но при этом не теряющие между собой связи, и в ходе этой встречи будут сделаны интересные взаимовыгодные финансовые предложения, так что, возможно, мол, и меня что-нибудь заинтересует. (Мой товарищ, насколько я понимал, имел в виду подпольные швейные цеха и всякие другие, по большей части незаконные производства, так как мы с ним эту тему уже раньше неоднократно обсуждали).

Подумав, я согласился: как раз в ближайшие дни у меня от спекулятивных операций должна была освободиться приличная сумма денег (что-то около пятнадцати тысяч рублей), которую пока не было куда пристроить; да и, кроме того, почему бы действительно не гульнуть, не развлечься в Кишиневе, тем более, я слышал от наших с Яшей общих знакомых и в частности от Туза-музыканта, работавшего вместе со мной в ресторане, что отдыхать в компании с Яшей одно удовольствие.

На тот момент времени по нашим с Яковом текущим взаиморасчетам я задолжал ему что-то около тысячи рублей, вот он, не принимая их от меня, и намекнул, что отдых в Кишиневе – за мой счет и, соответственно, – списывается с долга.

Итак, день нашего отъезда был намечен на пятницу, и я вынужден был на это время оставить бар на Залико, моего нового напарника (я вам как-нибудь позже расскажу о нем подробнее. Кстати, он у нас тоже какой-то «горский» – уроженец знаменитого грузинского села Цинандали: помните, одноименная всесоюзно, а может и всемирно известная марка вина? А фамилия его оканчивается на «швили» – сынок, значит), а сам, взяв с собой для компании девушку Катерину, присел с бутылкой холодного чешского пива на парапете у входа в бар дожидаться Яшкиного приезда.

Катюша сидит напротив меня, красиво перекинув ногу через ногу и, дымя сигаретой, шутливо строит мне глазки. А я потягиваю пиво, и от нечего делать ее разглядываю. Сидим, ждем, изредка словом перемолвимся, да на дорогу посматриваем – Яшка обещал подъехать в четыре пополудни, а теперь на часах было без пяти минут.

– Катюха, как у тебя с прикидом, с тряпками то есть, все нормально? – спрашиваю я девушку просто так, для поддержания разговора. – Есть в чем в столичном ресторане блеснуть?

– Есть кое-что, я тут с собой взяла, – улыбнувшись, ответила девушка и похлопала ладошкой по пузатой коричневой сумке из кожзаменителя, стоявшей у нее в ногах.

– Ну, ты ведь понимаешь, о чем я, – сказал я извиняющимся тоном. – Нам, мужикам, главное – при штанах и при рубашке, а у вас, дамочек, с этим делом все гораздо сложнее.

– Надеюсь, я тебе, когда мы окажемся в ресторане, понравлюсь, – сказала Катюшка, изобразив на своем лице томное выражение.

– Ты мне и так нравишься, – вздохнул я и добавил шутливо, мечтательным тоном: – Я даже думаю, что и без всякой одежды ты не хуже. – И тут же, вновь поглядев на дорогу, озабоченно, сам к себе обращаясь, спросил: – Так, все хорошо, только вот где наш водитель-распорядитель Яшка? Запаздывает, что ли?

Яша ездил только на «жигулях», причем исключительно шестой модели, предпочитая бежевый цвет; при этом больше двух лет он одну машину не держал, считая, что это непрактично, поэтому, когда подходил назначенный срок, он продавал ее и тут же покупал новую.

Вот уже несколько лет он был моим деловым партнером в некоторых взаимовыгодных для нас обоих финансовых сферах деятельности, и, кроме того, постоянным клиентом в моем баре. Девушка же Катерина, которая оказалась со мной сегодня, к нашей с ним компании подключилась, можно сказать, случайно, и дело было так: Яшка, увидев ее позавчера в баре, сказал, что я могу взять с собой в Кишинев какую-нибудь «телку симпатичную». «А хотя бы и эту», – кивнул он на сидевшую у стойки Катерину. И добавил, что девушка нам нужна не столько для секса, сколько для украшения компании, и это уточнение меня вполне устроило.

Катюшу же я обнаружил пару месяцев тому назад в новом спальном микрорайоне Спирина, где живут в основном простые работяги. Внешне она девушка незаурядная – яркая и привлекательная: рост за метр семьдесят, стройная и статная, и мордашка хорошенькая, черты лица правильные, четкие и выразительные. Но особое впечатление, по моему мнению, производили ее огромные миндалевидные глаза – явление, весьма редко встречающееся в нашей Молдавии – тут вам все же не Япония с Кореей, и даже не Татария с Чувашией. Но вот скромностью и хорошим поведением девушка не отличалась, скорее наоборот. До встречи со мной Катюша активно тусовалась в компании сверстников – ее соучеников, обитавших в том же районе. В прошлом году все эти балбесы, и она в их числе, закончили десятилетку. Их было около десятка – парней и девушек, и все, чем они занимались, были лишь пьянки да свальный грех – подростки наливались до одури чуть ли не с самого утра сухим домашним вином, которое в Молдавии, как известно каждому, можно приобрести за гроши, а при желании и вовсе задаром, а затем, естественно – «любовь»: матрас, брошенный в угол комнаты и ноги враскорячку. Правда, следует заметить, что этой компании еще кое в чем повезло: в их распоряжении была целая трехкомнатная квартира – родители одного из оболтусов уже третий год находились на Севере, деньги зарабатывали.

Даже не планируя поступать в какие-либо вузы или же другие учебные заведения, что было бы вполне естественным для них, чем, кстати, собирались заняться их более серьезные и сознательные соученики, эта группа недавних школьников вот таким образом, весьма своеобразно, готовилась к грядущим радикальным изменениям в своей судьбе: ребята вот-вот, по достижению 18-летнего возраста должны были отправляться в армию, у девушек выбор тоже был невелик: или замуж кто возьмет, потому что возраст был для этого самый подходящий, или же продолжать веселиться, сколько возможно, но тоже с прицелом на замужество. Идти же учиться какой-либо профессии или, того хуже, отправляться работать на производство за 80—100 рублей в месяц – курам на смех, – еще успеется, так, скорее всего, думали они, – ведь для этого вся жизнь впереди.

Ну, а родители будущих «абитуриентов» на своих чад нарадоваться не могли, будучи уверенными, что раз те отсутствуют дома, значит, где-то денно и ночью коллективно зубрят, к вступительным экзаменам готовятся.

Я случайно попал на эту блаухату – решал финансовые дела с Ильей, сыном хозяев этой самой квартиры, за которым числился карточный должок почти в пятьсот рублей. Там, на этой квартире и довелось мне с Катюшей встретиться и познакомиться; не было бы в их распоряжении квартиры, по подвалам бы эти ребяташки шастали – я сам в их возрасте был в точно таком же положении.

После посещения этой квартиры я потом еще целый месяц плевался – как вспоминал то место, пропитанное запахами алкоголя и секса, но вот Катюшу там, словно розочку, случайно оброненную в навозную кучу, заметил – и запомнил. Во время той встречи я предложил Илье, чтобы в счет долга он отдал мне девочку – но он своей выгоды не понял, сказал: неси ведро

вина и она твоя. Такова, видно, была ее цена – ведро кислого домашнего вина, или, в переводе на деньги – максимум десятка.

С того дня я всеми возможными способами стал оказывать Катерине знаки внимания – дал девушке понять, что интересуюсь ею, ну не мог я, поймите меня правильно, такую симпатичную девку оставить загнивать в том болоте – сердце просто кровью обливалось, как хотелось вытащить ее оттуда и «облагодетельствовать».

Короче, я передал ее подружкам, что хочу видеть Катю у себя в баре. Что вскоре и случилось: в один из последующих дней Катерина заявила в бар. Она была слегка навеселе, одета вульгарно – коротенькая юбочка, безвкусный макияж, сигарета к губе прилеплена, ну и сленг, конечно же, соответствующий – через слово мат. Я сделал девушке легкий взбадривающий коктейль и попросил ее посидеть напротив меня. Дождавшись, пока она немного пообвыкнет, осмотрится, я сказал ей:

– Катенька, я хочу предложить тебе оставить компанию твоих друзей, они, надеюсь, тебе уже до смертной скуки надоели.

– И что же дальше? – грубовато спросила она, уставившись в меня затуманенным взглядом.

– Вливайся в нашу. – Я усмехнулся. – Ничего нового пока предложить не могу – по большому счету придется все то же самое делать – ноги раздвигать, сама понимаешь, весь мир на этом держится. – Я внимательно следил за эмоциями на смазливом Катюкином лице. – Только тут все будет по-другому – культурно и красиво, здесь ты не встретишь ни насилия, ни эксплуатации, а просто станешь бывать в хороших компаниях, встречаться с приличными людьми, научишься себя правильно вести, а позже, может быть, кого себе и в женихи присмотришь, из тех, разумеется, кто о тебе всего не знает.

– Окей, Савва, я тебя поняла, а то ведь подумала было, ты мне предложение какое-нибудь пошлое хочешь сделать, – наконец выговорила она.

Куда уж пошлее, подумал я, усмехнувшись, а вслух сказал:

– Ты девка красивая, Катюка, и должна этим грамотно пользоваться, вот поэтому-то я тебя и зову. А всякого сброда человеческого женского пола у нас здесь в ресторане и так в излишке крутится, свистнуть не успеешь, набегут, только их, честно говоря, даже видеть не хочется. Тебя вот, дурочку, жалко, ты со своей внешностью могла бы любую компанию украсить.

Катюка поцокала языком, попросила один день – подумать – и покинула бар. С тех пор прошло около двух недель, Катюка почти каждый вечер приходила, просиживала со мной и моими друзьями в баре допоздна, знакомилась с людьми, прислушивалась, привыкала, а затем мы ее... отвозили домой, благо удобно было – она жила по соседству с товарищем моим, Кондратом, дома их были напротив. За это время я заметил, что Катюка стала одеваться заметно лучше, чем раньше; оказалось, она умела и макияж приличный навести и без мата обходиться, из чего я вскоре сделал вывод, что предыдущее ее поведение – чистая базаровщина, желание, отвергая общепризнанные взгляды и ценности, выделиться из толпы.

Считая, что она моя девушка, мои друзья и знакомые к ней не клеились, я же вел себя по отношению к ней как собака на сене – сам не гам, и другому не дам. А дело было в том, что я себе даже не представлял, как у нас с Катюшей интимные отношения сложатся – всё это время, пока мы с ней общались, мне мешал запах ее тела – особый, резко выраженный, мускусный. Это было, пожалуй, единственной преградой, мешавшей нашему сближению. И из-за этого, наверное, она все еще не была принята в нашу компанию окончательно и не заняла в ней достойного места: чувство эгоизма мешало мне безропотно пустить ее в наш круг, а самому, отбросив даже мысль о близости с ней, просто отстраниться. При этом Катюша понимала, конечно, что нравится мне, и ловко пользовалась этим: своим друзьям, босякам, будучи в их компании, давала легко, играючи, а мне пыталась мозги крутить – я, мол, девушка гордая, не подступишься. Например, позавчера вечером, когда мы с ней остались в баре вдвоем, она спро-

сила меня кокетливо: «Ну что, Савва, чувствую, ты мне сегодня хочешь сказать что-то важное, касающееся нас двоих?» При этом она глядела на меня одновременно вопросительно и снисходительно, сверху вниз, пользуясь преимуществом своего роста, да еще будучи на довольно высоком каблуке. Может, она думала, наивная, что я ей в любви признаться собираюсь?

Я тоже ее оглядел, только снизу доверху – да уж, не отыметь, хороша! Вид у нее, правда, был несколько вульгарный, а я, признаться, этого не люблю. Но, конечно же, решил, что возьму ее с собой в Кишинев. Ведь Яшка говорил просто о красивой телке, и я отбросил все свои ощущения и сомнения – не невесту же себе выбираю!

Это у нас, мужиков, помыслы сплошь эгоистичные – как с телкой в постель, а порой даже и без того, только подумаем, помечтаем об этом, – тут же и примеряем ее так и этак, словно жениться на ней собираемся. Неправильный это, я вам скажу, братцы, подход, собственнический. Вслух же я сказал тогда Катьке простенький комплимент, а затем спросил так небрежно: «Катенька, не желаешь в эти выходные прокатиться вместе со мной в Кишинев, отдохнуть в компании приличных и серьезных людей?». Катька против обыкновения выслушала мое предложение серьезно и внимательно, спросила только, когда ей нужно быть готовой. Я ответил и вдруг, неожиданно для самого себя, достал из кармана пачку денег и, отстегнув три сотни рублей четвертаками, протянул ей и небрежно сказал: «На вот, возьми, купи себе что-нибудь нужное, платье там, туфли, косметику». Не знаю, что это на меня нашло, обычно я девкам денег не даю, чтобы тем самым их не портить и, главное, не приучать, а тут дал, и, наверное, потому, что накануне вечером приличную сумму в карты выиграл, – знал, не отдай я их сегодня, следующим вечером они у меня могли уйти туда, откуда пришли.

Катька докурила сигарету и щелчком отправила окурки в сторону дороги, вернув меня тем самым к реальности. Проводив полет «бычка» взглядом, мы одновременно увидели оставившийся у обочины бежевый «жигуль». Встав, мы отправились к машине, весело поздоровались с Яшкой – он был в машине один – забросили внутрь сумки, погрузились сами и Яшка взял курс на Кишинев. Дорогой мы много шутили, смеялись, даже пели песни, и не заметили, как минули два с лишним часа пути до столицы Молдавии. Машина, проехав по центральной улице Кишинева, подкатила к одноименной гостинице под названием «Кишинэу».

Я с удовольствием отметил про себя, что Яшке Катюша явно понравилась и, когда она из машины выходила, он даже, как истинный джентльмен, подал ей руку, а потом и дальше продолжал за ней красиво ухаживать.

Когда мы вошли в гостиничное фойе, Яшка на ходу отдал швейцару ключи от машины, сопроводив их трехрублевой купюрой.

– Это еще зачем? – удивленно спросил я.

– Сейчас подъедет механик из автосервиса, заберет машину и до завтрашнего полудня наведет в ней полный порядок – она пройдет все необходимое обслуживание, – пояснил он, и я понимающе закивал.

Нет, мы не подошли к окошку администратора, как делают все нормальные люди, а миновав фойе, отправились напрямик к лифту, который вознес нас на третий этаж. Попутно я обратил внимание на то, что все встреченные нами по пути работники гостиницы, начиная со швейцара в дверях и заканчивая дежурной по этажу и горничной, едва завидев Яшку, радостно ему улыбались и вежливо здоровались. Из чего я сделал вывод, что он здесь свой человек, а вскоре выяснилось, что два номера полулюкса на 3 этаже – 306 и 307 – были постоянно забронированы за нашим другом, независимо от того, находился он в гостинице или нет.

Мы с Яшкой удалились в один номер, второй любезно предоставив в распоряжение Катюши, чтобы она могла привести себя в порядок. На первый вечер у нас в Кишиневе не было предусмотрено какой-либо конкретной программы, поэтому я, расположившись с комфортом на диване, уставился в телевизор, а Яшка, извинившись за занятость, положил перед собой небольшой блокнот и засел за телефон. Я из любопытства, сделав вид, что хочу выпить,

встал и, подойдя к столику, где стояли графин и стаканы, мельком заглянул в его блокнот. Там в столбик были записаны какие-то цифры – мне даже показалось, что это шпионский шифр. Затем я перевел свой взгляд на телефонную тумбочку и чуть не расхохотался – там под стеклом лежал другой список – телефоны и имена под порядковыми номерами, все почему-то женские и количеством не менее полусотни. Яшка, поймав мой взгляд, хитро, искоса поглядел на меня и мы оба рассмеялись, после чего он открыл секрет: оказалось, я угадал, это действительно был шифр – открой чужой человек или даже жена блокнот, порядковые номера ничего ей не дадут – имен-то нет.

Яков сделал несколько звонков, причем, судя по манере разговора, общался он исключительно с женщинами. По окончании этого занятия мы с ним по очереди приняли душ, после чего решили спуститься в гостиничный ресторан поужинать.

– Ну-ка схожу я Катюшку заберу, – сказал я Яшке, открывая дверь нашего номера. – А то ее что-то не видать, спать завалилась, что ли.

Подойдя к двери соседнего номера, я постучал, но, не услышав ответа, распахнул ее – и в следующую секунду мой рот поневоле раскрылся, и я даже отступил на шаг – из номера вышла, нет, выплыла шикарная дама в длинном, почти до пят, красного бархата вечернем платье с красивым вырезом декольте и в черных туфлях на высоченных каблуках – ну, прямо королева бала, и только.

– Бог мой, кто это?! – только и смог вымолвить я.

С трудом я узнал в этой даме нашу Катюшу – скромную девушку из рабочего микрорайона Спирина. Когда мы с ней минуту спустя вошли в соседний номер, Яшка поднял голову и телефонная трубка едва не выпала из его руки – он был потрясен увиденным не меньше моего. И то сказать: наша Катерина в своем новом наряде буквально преобразилась – перед нами теперь была томная, зажигательно красивая незнакомка, которая поразила нас мгновенно приобретенными (или это в ней до поры до времени попросту дремало?) манерностью и шармом, и теперь, победно глядя на нас, наслаждалась видом наших растерянных рож, а мы позорно молчали, словно языки проглотили. Катерина за это время также успела сделать себе макияж – на удивление приличный, и теперь перед нами стояла, скажу без преувеличения, ослепительно красивая мадам.

Катрин (с этой минуты мне захотелось ее называть именно так), проплыла между нами и грациозно присела на стул, стоящий посреди комнаты – девушка явно давала нам возможность полюбоваться ею.

У меня даже ладони вспотели, а это происходит в чрезвычайно редких случаях и только при больших стрессах.

– А, Яша, что скажешь? Сногшибательная метаморфоза, тебе не кажется? – наконец вымолвил я.

– Мне кажется, Савва, мне не просто кажется, я просто уверен в этом. Только мне почему-то еще кажется, что мы с тобой теперь недостойны даже рядом находиться с такой дамой.

– Успокойтесь, мальчики, и не надо преувеличивать, – произнесла Катрин, слегка покраснев, у нее теперь даже голос поменялся. – Не перехвалите меня, а то загоржусь.

Яшка, несколькими минутами позднее все же справился с собой, извинился перед нами и, вернувшись к телефону, сделал еще один звонок, затем повернулся к нам с Катериной и спросил:

– Катенька и Савва, вы не будете против, если в ресторане к нам присоединится один нужный мне товарищ – он режиссер киностудии «Молдова-фильм»?

Мы с Катюшей, естественно, не возражали, а через несколько минут мы все вместе спустились на лифте вниз. Вход в общий зал ресторана располагался от гостиничного входа налево, мы же, ведомые Яковым, свернули направо, под низкую арку, над которой горело назва-

ние «Крама». Это, как я уже знал, был филиал ресторана, представлявший собой целый комплекс отдельных кабинетов.

Привыкший к большим и шумным ресторанным залам, я спросил Якова:

– Скажи, друг мой, а в основном зале нам не будет удобнее?

– Думаю, вам с Катюшей здесь понравится, – уверенно ответил он, шагнув под первую арку. – Интим, знаешь ли, хорош тем, что здесь можно спокойно посидеть с друзьями, и никто за твой столик без разрешения присаживается не станет, и даму твою за руку на танец тащить не будет.

– И то правда, – устремляясь за ним, усмехнулся я, живо представив себе картину, расписанную Яшкой.

Пройдя по узкому подземному коридору, мы попали в анфиладу небольших гротов, вырубленных прямо в камне под землей. Стилизованные под старину, эти помещения, превращенные в зальчики, каждый из которых со своими неповторимыми особенностями, отличавшими его от других, имели, на наш взгляд, весьма уютный вид, в каждом из них было всего несколько столиков, и играл небольшой, из двух-трех человек, оркестрик.

Я не обману вас, если скажу, что внимание всех встреченных нами мужиков во все время нашего следования к одному из последних гротов, было приковано к нашей прекрасной даме: одни отдавали дань ее внешности тихими вздохами, другие – восторженными взглядами, а кое-кто – из тех, кто был попьаннее – и шумными возгласами; даже встреченные нами женщины моментально уступали Катерине дорогу, словно отдавая дань ее превосходству. Я секундомером пофантазировал – наш приход в ресторан мне представился выходом королевы к своим подданным, никак не меньше.

В слабо освещенном гроте, в который мы вошли, по всем его четырем углам висели, подвешенные на цепях к потолку, древнего вида масляные, в настоящий момент горящие и при этом слегка коптящие светильники, похожие на большие чаши. Внутри помещения мы обнаружили четыре столика, два из которых оказались незанятыми. Оркестр, состоявший всего из трех человек, при нашем появлении тут же заиграл щемящую задумчивую мелодию, и я понял, что музыканты, увидев Яшу, решили сделать ему приятное – исполнялась еврейская «Хава Нагила». Чуть позднее я узнал, что скрипачом в этом трио звезд – и это, поверьте, не преувеличение – был Игнат – известный виртуоз, один из лучших молдавских, а может и советских музыкантов-исполнителей, по происхождению цыган. Его скрипку, то есть скрипичную музыку в его исполнении, слышали практически все советские граждане в таких известных фильмах как «Лаутары» и «Табор уходит в небо», даже самого исполнителя видели, а вот в лицо его, как, впрочем, и других музыкантов, скорее всего не запомнили.

Под следующую еврейскую мелодию юркий худощавый официант неопределенного возраста практически незаметно накрыл перед нами стол и под конец водрузил посередине бутылку марочного коньяка.

– Катенька, ты коньяк пить будешь, или заказать тебе шампанского? – поинтересовался я.

– Что вы будете, то и я, – просто ответила девушка.

Яша взял в руку бутылку, и в эту самую минуту к столу подошел новый человек – его друг, режиссер. Яков радостно приветствовал его и тут же представил нам – «Вольдемар», затем стал разливать коньяк по рюмкам, а Вольдемар, обменявшись со мной рукопожатием, чинно поцеловал ручку Катюше, после чего присел на свободный стул возле нее и с ходу стал что-то нашептывать девушке, склонившись к самому ее уху, – не сомневаюсь, что это были одни лишь комплименты.

– Уважаемый Вольдемар, – сказал я, заметив, что первый же его монолог до неприличия затянулся. – Я надеюсь, вы не собираетесь приглашать нашу девушку на главную роль в своем новом фильме, как это заведено у вас, режиссеров, потому что, смею вас заверить, она у нас и так на главных ролях.

Яшка, бросив на меня удивленный взгляд, усмехнулся, а Вольдемар повернулся ко мне и сказал манерно красиво поставленным баритоном:

– Я, уважаемый Савва, да будет вам известно, снимаю только документальное кино.

– А вот в этом мы с вами схожи, – подмигнул я Яшке. – Мы тоже по жизни большие реалисты. Поэтому-то я и беспокоюсь за девушку.

После чего все понимающе засмеялись; Вольдемар, извинившись, оставил Катюшу в покое, и мы вчетвером завели общий разговор на самые разнообразные темы.

Вечер протекал мирно, весело и благоприсойно, мы выпивали, закусывали, иногда по очереди танцевали с нашей единственной дамой, и, наверное, человеку со стороны было любопытно наблюдать, как трое мужчин попеременно приглашают на танец девушку, которая была выше любого из своих кавалеров.

Вольдемар, несмотря на свою показную высокомерность, оказался весьма интересным типом, он беспрерывно рассказывал всевозможные истории, сплетни и байки из частной жизни сотрудников и актеров киностудии «Молдова-фильм» и местных театров; они перемежались долгими прочувственными кавказскими тостами в исполнении Якова.

В перерывах между тостами я с интересом осматривался по сторонам и вскоре обратил внимание на молодого, не старше тридцати, человека, сидевшего за одним из соседних столиков. Мужчина так и ерзал на своем месте, будто чувствовал себя здесь неуютно. При этом своим поведением он явно волновал свою спутницу, довольно симпатичную даму.

Заиграла очередная мелодия, Вольдемар встал и пригласил Катюшу на танец. Она с грациозностью леди выплыла из-за стола и отправилась танцевать; Вольдемар так прижимался к ней, что я в какое-то мгновение даже почувствовал укол ревности, чего раньше за собой по отношению к Катрин никогда не замечал. Когда танец, наконец, закончился, и Катрин вернули на место, я успокоенно вздохнул.

Заиграла следующая мелодия – и вновь, судя по мотиву, на еврейскую тему, и тогда беспокойный мужчина, сидевший за соседним столиком, встал и решительно направился к нам.

– Добрый вечер, – сказал он, обращаясь к Яше (каким-то образом он вычислил, что тот среди нас главный). – Разрешите мне представиться: я офицер КГБ, капитан, – рука молодого человека потянулась к внутреннему карману пиджака, но Яша небрежно махнул рукой:

– Не надо, мы вам верим, товарищ.

Молодой человек все же показал удостоверение и действительно оказался капитаном госбезопасности – я прочел написанные на корочке имя и звание медленно и вслух.

– Послушайте, это ведь неслыханно – все время заказывать еврейскую музыку, – поочередно оглядывая нас, сказал он почему-то обиженным тоном.

– Разве мы заказывали какую-нибудь музыку? – манерно улыбнувшись спросил Яша, затем деланно удивленно поглядел на нас и развел руками.

– Мы даже с места еще не вставали, как вошли, – подтвердил я.

– Эта музыка не должна звучать в нашей стране, она здесь под запретом, а играют ее в основном в Израиле, государстве, где проживают наши идейные противники. – Наш оппонент, казалось, был в восторге от собственных слов.

– Извините, я в музыке не разбираюсь, – вновь улыбнулся Яша (в скобках замечу: недавний выпускник театрального института, а также певец, обладатель довольно приличного голоса!), но с удовольствием слушаю любые произведения, которые исполняют музыканты, а они здесь, говорят, высокие профессионалы. Кстати, я только что собирался подарить им два рубля. – Яшка демонстративно стал рыться в карманах. – Если вы, товарищ капитан, конечно, не возражаете. (Несколько позже я узнал, что, бывая здесь, Яша всегда оставлял музыкантам четвертак – 25 рублей).

Комитетчик еще раз оглядел всех нас по очереди долгим оценивающим взглядом, затем извинился и отправился к музыкантам – разбираться теперь уже с ними. Те, несколько не рас-

терявшись, популярно объяснили ему, что все, что он слышал в этот вечер, относится к музыке румынских цыган, и пришлось разочарованному человеку из «органов» отправиться на место и дожевывать свой антрекот без всякого аппетита, потому что следующая же прозвучавшая мелодия вновь оказалась еврейской – зажигательной «семь-сорок».

«Ну вот, опять происки израильских агрессоров», – подумал, наверное, комитетчик, давясь куском остывшей говядины.

После ужина, который я здесь описывать не стану по той простой причине, что сегодня еще не обедал, мы отправились обратно в номера, и Катерину по-прежнему сопровождали восторженные взгляды всех тех, в чье поле зрения она попадала.

Когда мы вышли из коридора в фойе, нас со своего поста окликнул швейцар и «передал» Яше «из рук в руки» трех дам, одетых, несмотря на конец марта, в легкие меховые полупшубки. Правда, иногда по вечерам, включая и сегодняшний, у нас в Молдавии бывает еще довольно прохладно, а дамочки эти, простите за игру слов, очень напоминали тех, что «работают на улице», то есть проституток.

Мы поднялись наверх, в свои номера, двумя партиями – потому, что не смогли за один раз в лифте уместиться. Когда все дамочки, включая Катюшу, вошли в комнаты, Яша отозвал меня в сторону:

– Эти девочки, Савва, приглашены по «культурной программе», – сказал он, улыбнувшись. – Две занимаются сугубо минетом, а третья, та, что постарше, – предназначена исключительно для секса постельного.

– Спасибо за информацию, – поблагодарил его я, усмехнувшись. – Расклад несложный и даже мне, рядовому обывателю, понятен.

Сказав это, я имел в виду, что мне не обязательно было все это объяснять: как только я увидел наших «гостей», сразу понял, кто есть кто: две дамочки, то есть те, что были помоложе (в пределах 25 лет), внешне были малопривлекательны и на большее, кроме как для минета, не годились. (Благодаря моему беспокойному образу жизни мне нередко приходится иметь дело с простыми любительницами этого дела, но порой бывают встречи и с профессионалками, и при этом я всегда со смехом вспоминаю, как некоторые мои знакомые ребята говорят: «А я вот возьму и женюсь на некрасивой, зато она мне, в благодарность за это, по гроб жизни верна будет»). Это я к тому сейчас говорю, что обе эти мадам были, уж извините, замужними женщинами. Третья же, та, что постарше, была интересной блондинкой на вид лет 33—35, с хорошей фигурой и ухоженным лицом. Несколько позже Яков, выбрав минуту, рассказал мне историю этой женщины. Злая судьба вынудила ее стать проституткой: муж этой дамочки, режиссер все той же киностудии «Молдова-фильм», еще совсем недавно блистательный и респектабельный, угодил за какие-то свои финансовые манипуляции в тюрьму, да еще умудрился при этом влететь по статье «с полной конфискацией имущества». Потом, уже находясь в зоне, его угораздило проиграться в карты на сумму в пять тысяч рублей, которых у него, естественно, не было. Таким образом, его жена по решению суда в один день распростилась с кооперативной квартирой и машиной, и теперь, ютясь вместе с 10-летней дочерью временно у подруги чуть ли не в чулане, в дополнение ко всему оказалась перед выбором: либо уйти с ребенком, куда глаза глядят, либо срочно отработать долг мужа, так как из зоны от него пришла слезная «малява», в которой он просит к такому-то дню передать эти пять штук – (пять тысяч рублей) через такого-то, а сроку-то – смех – два дня.

И вот его благоверная берет займы эту сумму у знакомых, причем под проценты, затем передает их с помощью посредника (и тоже не бесплатно) на зону, и пускает свое тело на продажу (правда, в определенном кругу), чтобы эти самые деньги каким-то образом вернуть. А все ради того, чтобы муженьку в зоне не пришлось рассчитываться за долг собственной задницей. (А стоила ли, спрашивается, эта самая задница таких жертв с ее стороны?). Лично мне было весьма грустно слышать эту историю.

Яшка, когда я его спросил, зачем нам четыре женщины на троих, рассмеялся и сказал, что Катька сегодня в их команде будет запасной – мы ведь не знаем ее возможностей, и я кивнул, согласившись – не знаем, так как сексуальных контактов никто из нас с ней не имел.

Вечер протекал прилично, даже, можно сказать, благопристойно: Яшка вместе с женой находившегося в тюрьме режиссера, которую звали Полина, удалился в спальню, Вольдемар с одной из девиц уединился в другом номере, а мы со второй девицей и с Катюшей, расположившись на диване в первой комнате, стали смотреть по телику поздние телепередачи.

А еще через часок все на короткое время собрались в нашем номере, затем девицы, одевшись, уехали на лифте вниз, швейцар поймал для них такси и отправил восвояси, – все это я с интересом наблюдал из окна нашего номера. Затем ушел Вольдемар, а вскоре и Яшка, пожелав нам спокойной ночи, отправился в соседний номер спать, после чего мы с Катериной остались вдвоем. Все то, что я пережил сегодня рядом с ней – удивление, затем восхищение, потом восторг и даже уколы ревности – все это заставило меня взглянуть на девушку несколько по другому: мне вновь страстно захотелось Катюшу, как в тот самый день, когда я впервые увидел ее.

Катерина, которая, казалось, целый день меня не замечала, вдруг мило улыбнулась, подошла, села мне на колени и прильнула, крепко обняв за шею:

– Савва, милый, сегодня у нас такой чудесный вечер. Почему ты уделяешь мне так мало внимания?

– Я ревную тебя к Яшке и Вольдемару, и ко всем другим, которые пялятся на тебя, – сказал я честно.

– Ну и зря, потому что никто кроме тебя мне не нужен, – сказала Катька, раскачиваясь вместе со мной на диванчике так, что я почувствовал, что еще мгновение, и мы опрокинемся. Дальше произошло то, что впоследствии мне трудно было объяснить даже себе самому: я вскочил, схватил Катьку в охапку, на ходу она потеряла свои туфли, затем настала очередь платья, я отбросил его в сторону и потащил девушку, оставшуюся в одном белье, в ванную комнату. Пустив струю воды, я раздел Катьку догола, разделся сам и полез вместе с ней в ванную, где отрегулировал воду и стал яростно натирать Катюшу невесть откуда взявшимися здесь мылом и мочалкой.

– Ты с ума сошел! – наконец отреагировала она на мои действия. Недоумевающая Катька, вначале принявшая мои действия за шутку, пыталась брыкаться, непривычная, видимо, к такому обращению с ней кавалеров, но я довел-таки свое дело до конца, с остервенением намыливая ее великолепное юное тело до тех пор, пока оно под моими руками не стало хрустеть.

– Сейчас, Катенька, сейчас, – шептал я одновременно нежно и страстно, затем схватил ее – длинную и гибкую – на руки, и понес – влажную и желанную – в постель. Вдыхая по пути ее запахи, я не почувствовал ничего постороннего, не считая ароматов чистого тела и шампуня, поэтому, уронив ее на постель, немедленно набросился на девушку со всем пылом давно сдерживаемой страсти.

Минут через десять обоюдных энергичных движений я все же уловил от своей партнерши все тот же самый характерный мускусный запах, который так раздражал меня прежде, но теперь уже ничто не могло помешать мне закончить любовный акт с получением наивысшего наслаждения.

Потом, позже, когда мы с ней отдыхали укрытые одеялом в постели и Катерина сказала мне, сонно улыбаясь: «Ты напал на меня, словно сумасшедший и любил так долго – это было ужасно приятно», я почувствовал себя на вершине блаженства. После взаимных комплиментов и объятий мы уснули.

Проснувшись около десяти утра и не обнаружив Яшку в номере, мы не стали его искать, а, резонно полагая, что рано или поздно он найдется сам, отправились завтракать, причем Катрин не удержалась и надела к завтраку вчерашнее вечернее платье, в чем я ей не препятствовал.

Спустившись вниз на полуэтаж, я толкнул дверь буфета, на которой, правда, висела табличка «спецобслуживание», но меня, признаться, уже давно подобные таблички не останавливают, и мы оказались внутри. Все столики в буфете оказались занятыми молодыми людьми кавказской национальности, одетыми в одинаковые спортивные костюмы, – они завтракали и при этом громко, гортанными голосами переговаривались между собой. Бармен, увидев нас, развел руками в знак извинения, и сказал: «Мест нет».

Мы с Катюшей уже было развернулись, чтобы удалиться, но тут вдруг все присутствующие стали нас дружно просить остаться и не уходить – глаза молодых людей, обращенные на Катерину, буквально горели от восхищения и восторга. В нерешительности мы замерли у дверей, и тогда из-за одного из столиков встал пожилой мужчина, наверное, тренер, который подошел к нам и попросил присесть за столик и спокойно позавтракать. Молодые люди мигом освободили один из столиков, и, потеснив своих товарищей, пересели за соседние. Через пару минут мы получили свой заказ, а спортсмены тем временем стали покидать помещение, каждый из которых, обязательно проходя мимо нашего столика, восхищенно цокал языком.

Бармен, принеся нам за столик кофе, шепнул, что эти ребята – игроки футбольной команды «Торпедо» Кутаиси, и у них сегодня должна состояться игра со столичным клубом «Нистру». Когда мы с Катюшей, позавтракав, вышли из буфета, вдоль стен в полном составе выстроились футболисты-торпедовцы, образуя, таким образом, живой коридор. Я подумал, что они кого-то ждут, и не ошибся: они ждали нас, вернее Катиного выхода, а увидев ее, вся команда в едином порыве издала восхищенный вздох, а некоторые даже захлопали в ладоши. Катрин с непревзойденной грациозностью прошла сквозь этот почетный караул, затем, ожидая меня, полуобернулась, в то время как я, не удержавшись, сказал громко, во всеулышание:

– Спасибо, ребята. Желаю вам красивой игры, ну и, конечно же, проиграть. (Я, естественно, «болел» за своих).

С этими словами мы удалились. Дежурная по коридору, когда мы возвратились в наш номер, окликнула меня и передала записку, текст которой был ей передан по телефону. В записке Яшка извещал нас, что в данный момент находится на встрече всех горских евреев Молдавии, о которой он упоминал вчера, и ждет нас там же к двум часам дня на торжественный обед, – название, адрес и телефон ресторана прилагаются.

Итак, до назначенной встречи у нас оставалось еще несколько часов, которыми мы собирались распорядиться по нашему усмотрению. В своем номере мы с Катюшей переоделись в обычную, непарадную одежду и вышли на улицу. Поймав у гостиницы такси, мы поехали в район Рышкановки, к магазину «Каштан». Я нечасто навещаю этот единственный в Молдавии сертификатный магазин, так как сюда сравнительно редко завозятся новые товары, или, правильнее будет сказать, я не имел тут никаких знакомств, а без них, соответственно, не мог рассчитывать что-то дельное и нужное для себя приобрести.

Добравшись до места, мы обнаружили у входных дверей толпу в сотню-полторы человек, которые жались к стенам магазина и друг к другу, спасаясь от свежего, если не сказать пронизывающего ветра, – место было слишком открытое. Прислушавшись к разговорам окружающих, я понял, что сегодня ожидался «выброс» в продажу целой партии новых товаров.

Так как все очереди в Союзе (за редким исключением) существуют по принципу «кто сильнее, тот и первый», мы с Катюшей, когда толпа, нетерпеливо поглядывая на часы, в беспокойстве зашевелилась, применив таранный прием, прорвались к дверям и оказались в первых рядах. Еще через несколько минут ожидания, когда часовая стрелка добралась до десяти, дверь отворилась и народ, демонстрируя на входе сертификаты, буквально ворвался внутрь. (Тех же, кто не имел их в наличии, в магазин попросту не пускали).

Оказавшись внутри, я оставил Катьку восторженно оглядываться по сторонам, осматривая богато оформленные витрины, а сам ускоренным шагом с видом бывалого покупателя пошел вдоль прилавков, то и дело снимая с них некоторые вещи. Дело в том, что мне довольно часто приходится бывать в московских сертификатных магазинах этой же торговой сети под названием «Березка» (не путать с валютными «березками», где товары отпускают за доллары и исключительно иностранцам), поэтому мне были хорошо знакомы почти все представленные здесь товары, а размеры всех систем – европейской и американской, – я знал назубок, что немало важно, когда оказываешься в подобной ситуации: едва начнешь примерять на себя какую-нибудь тряпку, а она не подходит – глядь, другие размеры уже расхватили жадные покупатели, причем без всякой примерки.

На этот раз приличных товаров в магазине оказалось на удивление много, и я успел набрать в руки несколько вещей еще до того, как нахлынувшая толпа стала буквально «сметать» с полок все оставшееся.

В этот самый момент меня среди полок с товарами обнаружила возбужденная Катюша. Глаза ее, от природы совсем не маленькие, увеличились в эти минуты вдвое против обычного, так, что я даже забеспокоился – с чего бы это: от давки ли на входе, или от обилия никогда прежде не виденных ею товаров.

Катрин молчала, но при этом так жалобно и просительно глядела на меня, что тронула мое сердце, и я кивнул ей поощрительно – давай, действуй! Мне пришлось пойти вместе с Катей, и брать вещи, ориентируясь на ее рост и объемы визуально, хватая их, как говорится «на глазок», причем, как вскоре выяснилось, я при этом ни разу не ошибся! – все нами купленное ей подошло.

Катюшины покупки потянули на тысячу пятьсот чеков, то есть на целых три тысячи рублей по спекулятивному рыночному курсу.

– Милый, а у нас хватит денег, чтобы расплатиться? – спросила она с невинной улыбкой, и мне особенно понравились слова «милый» и «у нас».

– У нас денег хватит, – уверенно ответил я, и Катька зашептала мне на ухо: «Я отдам, я верну тебе эти деньги, мой милый, мой дорогой Савва!» Мог ли я ей отказать, даже если бы она не сказала этого?

Коробки с накупленным барахлом – ее и моим – едва разместились в багажнике и салоне такси, но счастливые Катькины глаза того стоили. Пока она разбирала все это в гостиничном номере, подошло время отправляться в ресторан, где Яшка ожидал нас, находясь в кругу своих земляков. Катька на мою просьбу поторопиться с сожалением оторвалась от разглядывания обновок, примерила кое-что из них и спросила меня:

– А можно мне пойти вот в этом?

Я улыбнулся и сказал:

– Конечно можно. Этим, я думаю, ты шокируешь Яшку уже во второй раз за последние два дня.

Счастливая Катька, совсем по-бабьи махнув рукой, засобиравшись в ресторан. У нее, как я заметил, было как минимум одно, несомненно ценное качество – мгновенно собираться, если в этом была необходимость. Уже через полчаса такси доставило нас до места – нужный нам ресторанчик находился на окраине города. Входная дверь, естественно, была заперта, на ней мы, подойдя, обнаружили столь привычную для подобных мест вывеску «Спецобслуживание», но не успели мы оглядеться по сторонам, как к нам тут же подошел непонятно откуда вынырнувший убеленный сединами администратор, который сказал с улыбкой:

– У меня есть категорическое указание пропустить одну очень красивую даму с молодым человеком, который будет ее сопровождать. – Он, поймав мой укоризненный взгляд, тут же поправился: – Вы извините, мне именно так и сказали: сопровождать.

Конечно, мне не понравилась формулировка «сопровождать», но я не обиделся и сказал:

– Что вы, что вы, мне вообще нравится эта роль – быть бесплатным – (ой ли!) – приложением к журналу «Фемея Молдовой» (Женщина Молдавии).

Катрин и администратор рассмеялись, после чего мы вошли внутрь.

Официальная часть этого специфического (то есть воротил воровского и теневого бизнеса) собрания, судя по всему, только что завершилась: я понял это по Яшкиному взъерошенному виду и множеству гуляющих в зале попарно и мирно беседующим между собой солидных мужчин. Тут были молодые еще люди, и не очень, худые и поджарые, словно гончие, – наш Яшка, например, выглядел именно так, – были нормального телосложения и, конечно, в достаточном количестве имелись пузатые. Все присутствующие были черноволосыми кавказцами (то есть блондины отсутствовали), некоторые с заметной сединой, вот только количество растительности на их головах было разным: от роскошных кудрей до плеч – таких здесь было всего двое, и до практически лысых. С лиц этих людей еще не сошла озабоченность произошедшего тут действия, но, если верить ароматам, уже витающим в воздухе, здесь очень скоро должно было наступить время застолья.

– Мы с тобой, Катрин, подросли как нельзя кстати, – сказал я, прохаживаясь с девушкой под руку вдоль длинного, уже полностью сервированного стола, и давая необходимые пояснения на то и дело возникавшие у нее вопросы.

Официанты соорудили его на кавказский манер, отчего у меня немедленно создалось ощущение, что мы каким-то чудесным образом перенеслись на Кавказ – так все на столах точно тому соответствовало. Свою короткую – полугодовую – армейскую службу я проходил в Азербайджане и успел полюбить тамошние чайханы; потом еще около полутора месяцев я провел в Тбилиси, в госпитале, и за это время мне посчастливилось обойти половину местных ресторанов, – на всю жизнь мне понравилась кавказская, вернее, грузинская кухня. И вот теперь я имел удовольствие лицезреть все мои любимые блюда этой кухни здесь, в столице Молдавии. Все на столах было свежим и натуральным, как то: икорка – черная и красная в хрустальных кюветах; мясо на гриле – баранина и говядина нескольких видов, истекающие соком и жирком; дразняще пахнущие чесноком кебабы и домашние колбасы, бастурма; птица – целиком, кусками и мелко порубленная, жареная, вареная, запеченная, в паштетах и залитая соусом; рыба – жареная, вареная, соленая, маринованная, копченая и заливная; самые разнообразные салаты без числа, непривычные вкусу европейца соусы с добавлением в них грецких орехов, и, конечно же, море овощей: свежих – целых, резанных, а также жареных и тушеных; целые вороха зелени, местной и завозной, необыкновенно пахнущей, самые разнообразные фрукты со всех концов нашей необъятной родины; хлеб обычный – черный и белый, а также лаваш и, конечно же, столь любимый мною хачапури, молдавская вертута и много всего другого прочего, а совсем не то, что подается обычно в ресторанах в разделе «кавказская кухня» и сохраняется от нее, в лучшем случае, одно название. Да что там, и с названиями в наших краях нередко случаются казусные неувязочки – вы вспомните только, как в меню различных ресторанов вместо «Чахохбили» писали «Чехомбили» и «Чахомбили» – одними названиями по слуху били.

Тем временем все стали усаживаться за столы, и нам с Катрин и Яковом достались места в левой части зала. Гости, вернее, хозяйка этого стола, принялись откупоривать бутылки с шампанским, вином и коньяком. Затем со своего места встал солидный седовласый мужчина и произнес витиеватый кавказский тост, долгий и прочувственный, после которого все выпили. За ним последовал другой, третий... Всего мы в этот вечер услышали великое множество красивых и многословных кавказских тостов и пожеланий. В обильном и веселом застолье незаметно пролетело не менее трех часов. Каждый пил что хотел. Напитков, соответственно закускам, было изобилие: коньяки – молдавский, грузинский, дагестанский и армянский, а также водка нескольких сортов. Богато были представлены вина: сладкие, полусладкие и сухие, бутылки были самых разнообразных форм и размеров, не говоря уж о многообразии и красочности этикеток. В наличие также имелось несколько сортов шампанского. По справедливому

Каткиному замечанию, на столах не хватало лишь свинины, которую хозяева сегодняшнего банкета, будучи в большинстве своем евреями, не употребляли.

В какой-то момент, решив, что с нас уже достаточно, я встал, и, взяв Катку за руку, отправился, словно бы прогуливаясь, на выход, так как внимания к моей даме к этому моменту было уже в избытке – на полсотни «джигитов» в этой развеселой компании приходилось всего с десятков женщин, и всем этим дамочкам, честно говоря, по внешним качествам до Катки было столь же далеко, как если ползти на карачках от Кишинева до Кисловодска, откуда, если верить Яшке, прибыла когда-то в Молдавию вся присутствующая здесь братия, включая и его самого. Поэтому мы и решили с Каткой убраться подальше с их глаз, уже не на шутку разгоряченных спиртными напитками, тем более, что «простых» в этой компании не было – все здесь присутствующие были если не миллионерами в рублях, то уж наверняка хорошо «упакованными», – а эти люди не привыкли себе ни в чем отказывать, того и гляди – возгорятся желанием к Катерине, а там и до эксцессов недалеко.

До двери нас проводил Яша.

– Яшенька, все было просто замечательно, поверь, так что извини, что уходим по-английски, не прощаясь. Объясни своим ребятам, если кто поинтересуется, что у нас дела, театральное представление, концерт, лялька дома плачет, в общем, сам придумай что-нибудь, – пожал я ему руку на прощание и призывно махнул водителю стоявшего неподалеку такси.

– Не исчезайте совсем. Сообщите швейцару или горничной, где вас можно будет найти, – сказал на прощание Яшка, открывая дверцу остановившейся рядом «Волги», на дверце которой были изображены шашечки. – Я тоже собираюсь скоро покинуть компанию своих сородичей, одной-двух встреч в году с ними для меня вполне достаточно.

Приехав в центр города, мы с Катюшей не торопясь сделали обход всех близлежащих баров, выпили в каждом из них по бокалу шампанского, поболтали со знакомыми мне барменами, потом перебрались в «Интурист» на второй этаж, где с удобствами устроились в тамошнем баре за отдельным столиком.

Несколько позже, когда в бар набилось чрезмерно много народа, мы покинули и его, поднявшись лифтом сразу на 14 этаж – там располагался небольшой, но уютный валютный бар, где, впрочем, напитки отпускали и за рубли.

День плавно перетекал в вечер, позолота вечернего заката постепенно уползала со зданий и поднималась вверх, исчезая и уступая наступающей серости, зато нам было весьма удобно и интересно смотреть с той высокой точки, где мы теперь находились, и с которой был виден почти весь город.

Мы по-прежнему пили лишь шампанское и развлекались тем, что указывая пальцами вниз, пытались угадать знакомые места – улицы, проспекты, здания и парки.

Публика в баре на 14-м этаже была немногочисленной, но солидной: я знал, что зачастую тут назначались встречи серьезных деловых людей, а барменом тут работал знакомый мне паренек по имени Ваня. Любопытно, что всего полтора года тому назад он начинал в нашем провинциальном ресторане поваром, и вот, за такой весьма короткий срок вырос до бармена в столичном валютном баре. Помнится, в первый вечер, когда мы с Ваней только познакомились, я спросил его, что он умеет хорошо, как профессиональный повар, готовить. В ответ он поинтересовался, чего бы я хотел съесть. Я и сказал, что давно, мол, мечтаю отведать люля-кебаб – это было первое название, пришедшее мне на ум. После этого я спустился к себе в бар, а еще спустя минут сорок уже здорово оголодавший и от того сильно рассерженный, вновь поднялся наверх, а повар Ваня встретил меня разведенными в стороны руками и сказал извиняющимся тоном, что мой заказ – люля-кебаб – будет готов лишь через десять минут. Я хотел было рассмеяться, сказать ему, что с моей стороны это была всего лишь шуткой и что я готов съесть что угодно, но вовремя понял, что парень отнесся к моему заказу весьма серьезно и решил

не обижать его, а потерпеть немного и дожидаться-таки столь любовно приготовляемого им люля-кебаб.

По правде говоря, я, наблюдая за Ваней, суевившимся за стойкой, совсем ему не завидовал, и особенно тому, что он забрался так высоко – во всех смыслах: валютный бар «Интуриста», да еще 14 этаж. Здесь «капусты» особо не нарубишь, так как оборот клиентов тут минимальный, и, соответственно, малый оборот денег. Зато на этом месте, в отличие от многих других, можно было приобрести массу ценных и нужных знакомств, включая знакомства с иностранцами – это, как я понимал, на современном этапе жизни было не менее, а зачастую и более важно. Впрочем, на такое место работы случайного человека не возьмут: обязательно надо было заключать с КГБ договор о сотрудничестве, а затем требовалось очень ловко маневрировать между этой весьма серьезной фирмой и не слишком законопослушным окружением, чтобы без особых затруднений урвать и свой лакомый кусочек, и притом, чтобы хвост не припалили, как говорится.

Следует сказать, что и здесь, на 14-м этаже, «моя» Катрин пользовалась успехом: ее беспрерывно приглашали танцевать. Освободившись от очередного ухажера, она увлекла меня на медленный танец и, положив голову мне на плечо, прошептала:

– Савва, они мне все уже так надоели, не пускай меня больше танцевать с другими.

– Почему, моя девочка? – поинтересовался я.

– А почти все во время первого же танца объясняются мне в любви.

– Но это же хорошо, – сказал я.

– Нет, не хорошо. – Катя приблизила свои огромные миндалевидные глаза вплотную к моему лицу. – Вот если бы ты говорил мне о любви, было бы совсем другое дело.

– Я? О любви? Прости меня, Катрин, я с некоторых пор даже собственной жене не говорю «люблю».

– А напрасно, милый, напрасно ты так, ведь женщины очень любят это слово, – томно сказала Катя, игриво закатывая глаза и повисая на моей шее. После танца мы вернулись за столик и Катю вновь стали приглашать. Но теперь я отказывал всем подряд, делая зверскую физиономию и копируя кавказский акцент, а когда перепуганные клиенты отходили, мы с Катей заливались от хохота, и вскоре нас оставили в покое.

Но были среди посетителей и такие, которые, не покидая своих мест, пялились на Катю во все глаза, и тут уж я ничего не мог поделать.

Особенно я отметил для себя нахального лысого коротышку лет сорока: он сидел за столиком с еще двумя мужиками примерно его же возраста и солидного вида – всего несколько часов тому назад мы уже общались в кругу им подобных. Коротышка почти неотрывно наблюдал за Катериной, периодически вытирая блестящую лысину носовым платком и залпом опрокидывая в глотку коньяк – рюмку за рюмкой.

Таким образом, проведя весь день и последовавший за ним вечер целиком в празднотствии, мы вернулись в гостиницу около полуночи. Пропуская Катю перед собой в наш гостиничный номер, я ощутил от нее все тот же самый остренький запашок – ее родной, – но теперь меня это уже не беспокоило, так как я твердо решил для себя, что прошедшая ночь, ночь нашей любви, была первой и последней.

В номере, совершенно по-свойски, каждая со стаканом шампанского в руке, располагались вчерашние «девушки», – оказалось, что еще во время первой встречи им было уплачено наперед, включая и за этот вечер тоже. Девочки, казалось, обрадовались нашему приходу, но на Катерину они поглядывали настороженно: они чувствовали, конечно, что она – из их круга, но понимали, что с такой внешностью она им не конкурентка – ее уровень был много выше. Вообще-то говоря, такса этих девочек была весьма определенная: режиссерская жена получала 25 рублей за один постельный сеанс, жрицы же «быстрого секса» – по 10 рублей за каждый «контакт», плюс 10 – за визит. Эти девочки и сообщили мне, что «наши

друзья» – «Торпедовцы» Кутаиси, проиграли молдаванам, если не ошибаюсь, со счетом 1:2. Девица, сообщившая мне об этом, так меня осчастливила (я хоть и не футбольный болельщик, но все же, повторяюсь, патриот своей республики), что я решил с ней удалиться в соседний номер, который, – а она, оказывается, была в курсе дела, – был в настоящий момент свободен. «Профессионалка» уложила меня на диванчик, на котором у нас процедура «быстрого секса» затянулась минут на тридцать-сорок. В один прекрасный момент она, подняв на меня глаза, жалобно спросила:

– Ты кончаешь вообще когда-нибудь?

И я ей ответил:

– Не отрывайся, пупсик, это было так близко...

– Ты такой «долгоиграющий» и обильный, – сморщив тонкий орлиного профиля носик, недовольно процедила «пупсик», когда мы, спустя еще какое-то время поднялись с постели, – это просто ужас.

– Не грусти и по поводу денег не переживай, – шутливо шлепнул я девицу по поджарому задку. – Я скажу Яшке, чтобы он тебе один раз со мной посчитал за два. Или нет, за три, как за работу в особо трудных условиях, вот!

Девушка в ответ на это только цинично усмехнулась. Всем вместе нам на этот раз удалось собраться уже после полуночи: Яшка, режиссер, я и Катерина, которая в этот поздний час осталась совсем без внимания. Она с упреком поглядывала на меня, когда я вернулся в наш номер с девицей – футбольной болельщицей. Однако сил больше ни на что не оставалось, и я, стараясь не встречаться с Катюшей взглядом, отправился спать. Яшка, как я еще успел заметить напоследок, усевшись рядом с ней, стал предпринимать попытки ее соблазнить. Не знаю уж, чем там у них все закончилось, я уснул.

А утро следующего дня началось с приятной неожиданности: едва мы проснулись, как в дверь постучали, я открыл и увидел множество незнакомых, подобострастно улыбающихся лиц. Поначалу, признаться, я даже чуть было не испугался. Затем услышал: «доброе утро, ваш заказ – завтрак» – к нам, как выяснилось, пожаловала целая делегация: две официантки и мэтр из ресторана вошли внутрь с полными подносами, уставленными всякой снедью; за ними кухонный рабочий и лифтер занесли в ящиках все недостающее и в действительности оказалось, все это нам было предназначено на завтрак! Для Яшки принесли отдельный поднос: он соблюдал некое подобие кашрута – свинину не ел, а мясное не смешивал с молочным, и когда чуть позже Катрин его спросила, что это такое – кашрут, он сказал ей, что это такая специальная религиозная диета, предназначенная сугубо для нежных еврейских желудков. Через минуту следом за официантами прибыл и сам Яша – уже в костюме, чисто выбритый, улыбающийся, а с ним был режиссер Вольдемар с какой-то новой, незнакомой нам молодой, привлекательной и весьма сексапильной женщиной.

Мы уселись за стол и под шутки-прибаутки отдали дань всякой вкуснятины; были открыты бутылки с шампанским, коньяком и даже водкой, хотя лично я считаю потребление алкоголя излишним во время завтрака. Впрочем, еда, надо признать, соответствовала: без крепких напитков ее, пожалуй, нельзя было одолеть. Салаты из помидоров и огурцов (и все это, заметьте, в марте месяце!), ассорти рыбное и мясное, икра – черная и красная, и еще какие-то блюда, даже мне, работнику общепита незнакомые, но вкусные и нежные. А также паштеты из птицы фирменные натуральные ресторанного производства, мясо в горшочках и т. д. Этот завтрак на пятерых нам обошелся в 300 рублей, то есть в пару-тройку среднестатистических месячных зарплат – Яша по секрету мне об этом поведал чуть позднее.

Во время завтрака я с интересом разглядывал новую спутницу Вольдемара, которую звали Нелли: это была броская внешне, чрезвычайно привлекательная шатенка – пухлые губки, слегка подвывернутые наружу, четкие, выразительные черты лица, большие карие влажные глаза, роскошный бюст и т. д., – великолепный образец проститутки. Вульгарный, чрезмер-

ный для утреннего времени макияж, выдавал в ней представительницу этой всем известной древнейшей профессии, при этом от нее буквально пахло сексом, о чем я не замедлил сообщить Вольдемару.

– Да не разглядывай ты ее так, – хохотнул он, когда мы с ним вышли в коридор покурить. – Хочешь, поменяемся, ты мне Катерину – всего на одну ночь, а я тебе Нелю – хоть навсегда, идет?

– Признаюсь тебе, она на меня так притягательно действует, что я просто не могу оторвать от нее глаз. И все же, лично я маршала на потрепанного солдата сексуального фронта ни за что не поменяю, – пошутил я.

– Э-э, не скажите, товарищ, она хоть и проститутка, да не простая, в основном по верхам промышляет, – Вольдемар указал пальцем куда-то вверх, – и, кроме того, связи, дорогой мой товарищ, ее родной дядя сидит там, наверху, – и, между прочим, тс-с! – заведует общим отделом ЦК.

– Так что же это... – вырвалось у меня, – получается, она дядю своего позорит?

– Да она не столько ради денег этим занимается, сколько ради искусства – любит она это дело, – Вольдемар, рассмеявшись, изобразил руками непристойный жест. – Впрочем, ты можешь с ней просто договориться, ее тариф для своих – полтинник за ночь, могу записать тебе ее телефончик.

– Запиши-запиши, Вольдемар, я твоей доброты вовек не забуду.

После обильного и весьма развеселого завтрака, в течение которого Яков беспрерывно шутил, нам с Катюшей была предоставлена полная свобода действий. Яша объявил, что сбор после обеда, здесь же, в гостинице, а сам тут же укатил куда-то по своим делам. Мы же с Катюшей отправились гулять по городу, а когда подошло время обеда, отправились обедать в европейский зал «Интуриста».

Несмотря на повышенное к ней внимание со стороны мужчин – надо же, и здесь все то же самое! – Катюша эти два долгих дня вела себя вполне достойно и корректно, со всеми была вежлива, со мной предупредительна, и вообще, поведение ее за этот период сильно улучшилось – она с каждым днем все более походила на светскую даму, отвыкая от роли дешевой шлюхи.

Я привел ее в ресторан с одной лишь целью – чтобы она на людей посмотрела, а не из желания поесть – у меня в желудке еще полностью не переварился обильный завтрак.

Кое-кому, быть может, описание наших с Катериной бесконечных походов по барам и ресторанам покажется утомительным и скучным, но без этого и сам рассказ не имел бы смысла – потому что все происходящее с нами и – главный момент этой истории, – о котором будет рассказано чуть ниже, – тесно связан именно с этими самыми «злачными местами».

Неподалеку от нашего столика весело и шумно гуляла какая-то солидная компания, и одним из отдыхавших в ней мужчин оказался вчерашний наш «знакомый» из бара на 14-м этаже – тот самый лысый придурок лет сорока, низенького роста, который больше всех на Катюшку заглядывался.

Он, конечно же, узнал ее, и уже несколько раз подходил приглашать танцевать; при этом мой взгляд, направленный на лысого, раз от раза становился все неприветливей. Катюшка же, как ни странно, не отказывала ему, видимо, находила его забавным, весело крутила своего «кавалера» в танце, и хотя сегодня она надела новенькие туфельки почти без каблуков, все равно была почти на голову выше его, что немало меня веселило. Когда лысый в очередной раз подошел приглашать Катрин, я рассмеялся этому карлику в лицо:

– Слушай, катись ты ко всем чертям, шар бильярдный. Надоел, чертов недомерок.

Может и обидно было ему это слышать, однако он показался мне уж больно назойливым, и я хотел, чтобы он это понял. Как я и предполагал, лысому после этого захотелось объясниться, и он пригласил меня отойти с ним на разговор, а мне подумалось, что он жаждет

получить трепку, – поэтому, как только мы с ним вышли в коридор, я взял его за отворот пиджака и сказал:

– Или ты, карлик, уберешься с наших глаз, и больше не будешь надоедать, или я тебя выброшу в окно (не приходилось даже говорить всерьез о драке с этим коротышкой). Однако он схватил меня за рукав пиджака обеими руками и стал запальчиво говорить:

– Вы кое-чего не знаете, Савва, я очень серьезный человек, и Катя мне очень нравится.

– Мне тоже, как ни странно, – усмехнулся я, а про себя подумал: «Мне, правда, она лишь временами нравится, в частности, сразу после ванной».

– И у меня в отношении нее только серьезные намерения, поверьте, – выпалил лысый и вновь, вытащив платок, стал вытирать лысину. – Вы, Савва, только выслушайте меня, я вам сейчас объясню, что это означает.

Лично по мне все же стоило послать его к чертовой матери, а еще лучше, треснуть по лысине – я, признаюсь, прямо горел желанием сделать это, но Гриша – так звали коротышку – уже успел что-то такое нашептать Кате во время танцев, отчего та, улыбаясь, глядела на него снисходительно и, как мне показалось, даже кокетливо-благодарно. Итак, благодаря моему слишком доброму и покладистому нраву, уже через десять минут лысый сидел за нашим столиком (на неоднократные просьбы влиться в их компанию я категорически отказался) и что-то там плел о любви с первого взгляда и тому подобный бред. Я же брезгливо разглядывал его, так как товарищ этот, признаюсь, был мне абсолютно антипатичен, к тому же теперь он называл меня почему-то не по имени, а по профессии – «барменщик», что выводило меня из равновесия, и я вновь стал подумывать, что не мешало бы все же ему для «профилактики» накатать по шее. Однако из всех сказанных им слов я уяснил себе, что он уже выпытал у Катки секрет наших с ней взаимоотношений, он даже знал, что я женат, а она всего лишь подруга. В этом месте нашего разговора я тайком показал ей кулак. В ходе дальнейшего разговора также выяснилось, что Катка ему наплела, будто знакома со мной с прошлого года, с тех пор как закончила десять классов, и теперь вот уже месяц как живет со мной, отдавшись мне девушкой – все это я понял из Гришиных намеков и недомолвок. Тут уж я ей показал кулак натурально, в открытую. Затем Гриша добавил к сказанному без излишней скромности, что занимается драгоценными камушками и антиквариатом, и чувствует себя достаточно уверенно в материальном плане, а я из всего вышесказанного уяснил себе главное – он просит у меня Каткиной руки.

У меня? Ха-ха! Каткиной руки? Хо-хо! Каково, а!?

Тогда я ему заявил, на всякий случай с металлом в голосе, что он этими словами делает мне больно, если хочет разрушить нашу с Катериной «любовь». На этот раз уже Катка не удержалась и под столом наступила мне на ногу, а я, надувшись как индюк, стал перечислять и расписывать вероятному жениху все ее достоинства – настоящие и мнимые. В связи с очевидной серьезностью разговора мы спустились на первый этаж, перейдя в бар «Лидо», где знакомый мне бармен Леня – симпатичный добродушный парень, фигурой напоминающий медведя, едва завидев нас, предложил освежиться финским пивом. Оставив Катку у стойки – развлекать бармена, мы с Гришей пересели за дальний уединенный столик. И там под финское баночное пиво по рублю за штуку я продал Катку, причем не только в переносном, но и в прямом смысле этого слова, – Гришка пообещал мне за нее отступного.

Получилось так, что он сам спросил:

– Сколько, по-твоему, если без обид, я должен буду тебе за Катеньку?

– А сколько не жалко за такой бриллиант? – спросил я.

– Сам назначь сумму... – осторожно протянул он.

– Скажу откровенно, что Катенька дорога мне как сто других «катенок», бумажных, если ты понимаешь, о чем речь, плюс одна.

– Обижает, – сказал Гриша, на лбу его выступил обильный пот. – Я так понимаю – десять тысяч? То есть десять тысяч сто рублей. Я согласен.

– Считай, это подарок тебе, – процедил я сквозь зубы. – Катька – сама по себе драгоценность. А какая упаковка, ты обратил внимание? Одна только упаковка, к твоему сведению, стоила мне почти половину этой суммы, и куплена вся, заметь, не позднее, чем вчера, в «Березке».

– Я учту это, – вставил Гриша и судорожно сглотнул. – Только... можно я спрошу?

– Валяй.

– Скажи, почему сумма не круглая?

Я поднял уже, было, руку, чтобы шутливо шлепнуть его по лысине, но потом, с сожалением сдержавшись, опустил:

– Круглыми бывают только идиоты, Гришенька. Ну да ладно, – снисходительно заключил я, – к присутствующим это не относится. – И, сделав серьезное лицо, предупредил строго: – Только, естественно, никакой самостоятельности с твоей стороны, она будет со мной до самого расчета, уяснил? Если мы с тобой вообще о чем-либо окончательно договоримся.

– Уяснил, – прошептал Гришаня. Я еще некоторое время зачем-то мутил, морочил ему мозги, расхваливая Катьку, и под конец мы договорились о том, что у всех троих будет неделя на раздумье. Затем мы позвоним ему – что будет означать наше согласие, – после чего он – Гриша (это его собственные слова) прилетит в наш город за Катей на «крыльях любви».

– А у тебя, Савва, говорят, красивая жена? – неожиданно спросил он.

– Не продается, понял! – довольно резко оборвал я собеседника, желая прекратить эту тему, и хлопнул его ладонью достаточно сильно по плечу. Хотя по-прежнему испытывал огромное желание заехать прямо по лысине.

Григорий вновь сник.

– Не тасуйся, Гриня, – сказал я ему на прощание. – Это будет самая удачная твоя сделка, может быть, и за всю жизнь.

Когда Гриша, перекинувшись двумя словами с Катькой, ушел, я подумал, что ему, возможно, не жаль будет выплатить названную мною сумму, и, таким образом, он от меня окончательно избавится, приобретя себе красавицу жену.

Едва я об этом подумал, как сам предмет обсуждения и торга – Катька – подошла и спросила:

– Ты что, всерьез все это говорил? Ну, насчет денег и тому подобное?

Я с удивлением и недоумением на нее уставился: мне казалось, что это было именно то, чего Катька подсознательно хотела и подспудно добивалась.

Поэтому я сказал осторожно:

– Таким образом, Катенька, ты сможешь устроить свою жизнь, свое будущее. В конце концов, не вечно же тебе по барам и блатхатам шлаться-болтаться. Пройдет еще пара лет и малолетки подопрут, вытеснят тебя с этого поприща, запомни – бабий век короток, поэтому надо поскорей определяться.

В общем, я стал развивать эту тему вширь и вглубь, и вскоре договорился до того, что Катька надулась и вообще перестала со мной разговаривать.

Когда мы вернулись в гостиницу, оказалось, что Яшка уже давно нас ожидает, и уже спустя минут десять мы, погрузив многочисленные коробки с покупками в машину, выехали в наш прекрасный южно-молдавский город. Всю дорогу я сидел, прижавшись виском к прохладному стеклу дверцы и размышлял о том, что в бизнес совместно с Яшкиными друзьями мне так и не удалось влиться – вместо этого мы с Катюшей все имевшееся у нас время на рестораны ухлопали, – и все же прибыль с этой поездки, как ни странно, я, возможно, сумею получить, и с весьма неожиданной стороны – от случайно встреченного нами влюбившегося в Катерину Григория.

Через несколько дней мы с Катрин встретились в баре и серьезно обо всем поговорили, причем сначала мне пришлось ей чуть ли не по голове стучать, чтобы до нее все дошло, и в установленный час мы с переговорного пункта, что в центре города, позвонили Григорию. Я думал, что у Гришки за прошедшие дни наступит похмелье, то есть разум возобладает, и он шуткой ответит на мой звонок, или не станет разговаривать вообще, но он, как оказалось, с нетерпением ожидал от нас звонка, и голос его в трубке, несмотря на обычные для нашей связи помехи на линии, был возбужденным и счастливо-восторженным.

«Григораш, это ты, дорогой?» – спросил я его, сознательно произнеся его имя на молдавский манер, но он никак не отреагировал на юмор, спросил, где Катерина и тогда я передал ей трубку, позволив Катке сказать всего несколько слов: «Приезжай, найдешь меня в баре, жду», после чего, нажав на рычажок, прервал разговор. Тут же, в переговорной, не стесняясь посторонних, Катка вдруг прильнула ко мне и заплакала.

Здоровенная же телка, ей-богу, а ведет себя как маленькая, подумал я. Растроганный, я вдруг в эту самую минуту понял, что она, при всей своей шикарной внешности и несправедном образе жизни, в сущности, совсем еще девчонка – наивная и глупая, и ничего хорошего в этой жизни еще не видела.

Гришка примчал в наш город на следующий день «на крыльях любви», то есть за рулем автомобиля «волга»; мы ожидали его, как и договаривались, в баре. Он отдал мне в толстом пакете обещанные сто «катенек», 10 штук (десять тысяч рублей по нашему), а вместо ста рублей он подарил мне перстень с бриллиантом ценой, как позднее выяснилось, не менее чем в полторы штуки, ну а Катке и маме ее навез кучу подарков еще, наверное, на такую же сумму.

«Боже ж мой, что только любовь с людьми делает?» – думал я, с интересом разглядывая подаренный мне перстень, который неожиданно пришелся мне как раз впору, – я, как истинный гололопый пролетарий в энном поколении, не люблю всякие эти побрякушки, не разбираюсь в них и потому никогда не ношу, включая и обручальное кольцо, купленное мне когда-то за 27 рублей по государственной цене, установленной для молодоженов. Однако Гришка поразил меня более всего именно этим жестом, говорящим о широте его натуры.

Катка увезла своего женишка прямо из бара знакомиться с родителями, которые, по моему, были одного с ним возраста. Ну а я, с согревающей мне душу и оттягивающей карман тугой пачкой денег и с подаренным перстнем на пальце, отправился домой. «Десять тысяч, – удивлялся я, когда по возвращению домой развернул пакет и разложил деньги на столе стопочками. – А ведь всего месяц тому назад Илюша, Каткин дружок-одноклассник, предлагал мне купить ее за десятку, или за ведро вина. Но я молодец – десятку сэкономил, даром девушку забрал. И теперь вот Каткина цена выросла по сравнению с первоначальной ровно в тысячу раз».

2

Через месяц в Кишиневе, в одном из лучших ресторанов города, игралась свадьба – Катрин и Гриша сочетались законным браком. Мне тоже пришлось отправиться туда – я, конечно, не очень этого хотел, но Катька настояла. Все гости, приглашенные из нашего города, а это были родственники и родители невесты, разместились в заказанном женихом автобусе «Паз», а мне там места не хватило, поэтому я отправился в Кишинев на такси, благо, я был не один, а вместе с очаровательной девушкой Наташей всего шестнадцати лет от роду. При этом внешне она весьма походила на Катьку и была почти такой же рослой – и приходилась ей, как вы уже догадались, младшей сестрой. Сестричка эта была многообещающе хороша, а главное – я не улавливал от нее того запаха, который так отпугивал меня от Катьки. И все в ней, Наташке, было замечательно, не хватало лишь какой-то мелочи – то ли изюминки, что ли, то ли того особого шарма, которым природа в изобилии одарила Катьку, но я делал девушке в этом плане скидку – какие ее годы? Все еще приложится, думал я.

Свадьба, что и говорить, вышла богатая, гостей было сотни две, не меньше; все местные – родня и гости со стороны жениха, – были дорого и роскошно разодеты. Невеста блистала в шикарном импортном платье; ну а внешне она была – чего уж там, само великолепие; жених – как не слишком красивая, но надежная драгоценная оправка к ней; гости – сплошь солидные и деловые, тамада был само красноречие, стол тоже весьма соответствовал, но... при всем внешнем изобилии празднество протекало не слишком весело. А тут еще Катька учудила – вот же стерва все-таки! – в тот самый момент, когда мне предоставили для поздравления микрофон, и я уже, было, собираясь с мыслями, открыл рот для приветствия, она стала со мной рядом и сказала:

– Дорогой Савва, многие из присутствующих здесь знают, что ты – сама скромность, и поэтому я скажу кое-что за тебя: это ты нас с женихом познакомил и вообще много хорошего как для меня лично, так и для нас обоих сделал. – Весь зал в этот момент был полное внимание на нас, и я напрягся, предчувствуя с Катькиной стороны какой-то подвох. И, конечно, дождался, предчувствие меня не обмануло.

– И поэтому, – продолжала невеста, – в этот важный и счастливый для меня день, я хочу чтобы ты при двух сотнях свидетелей сделал мне подарок: половину из доставшихся тебе денег обещаю истратить на мою сестру Наташу, а также дай слово, что до своего 18-летия, то есть ближайшие два года, она будет под твоей постоянной опекой.

Я в растерянности, словно пойманный за руку вор, стал озираться по сторонам. Затем через силу улыбнулся и торжественно пообещал – обязательство, надо сказать, было хотя и хлопотливым, но все же достаточно приятным.

Мы с Наташей сбежали со свадьбы раньше срока – было что-то около трех ночи – и я повез ее на Ботанику (есть такой район в Кишиневе). В моем распоряжении имелся ключ от одного из частных домиков, расположенных в районе озера. (Дядя моей жены, владелец этого жилья, мой хороший приятель, любезно предоставлял его мне в любой день, когда я нуждался в этом). Весьма приятно было после свадьбы забраться в теплую постель, да еще с такой роскошной партнершей. Но, она была еще совсем юна и неопытна, и мне предстояло немало потрудиться на этой ниве.

После свадьбы мы с Катькой долгое время не виделись, так как она сразу же перебралась жить в Кишинев, к мужу, а встретились, причем совершенно случайно, примерно через год после описанных выше событий, причем неподалеку от той самой гостиницы «Кишинэу», с которой, собственно, все и началось. Идя по улице, по направлению к памятнику Котовскому, я вдруг обратил внимание на красивую молодую женщину, идущую мне навстречу. Она медленно прогуливалась и при этом, глядя куда-то в сторону, не замечала меня.

Несколько секунд понадобилось мне для того, чтобы я узнал в этой женщине Катрин. Когда между нами оставалось всего несколько шагов, я загородил ей дорогу. Катрин, подняв глаза и увидев меня, тут же раскрыла навстречу свои объятия.

– Мог бы за это время хоть разок в гости приехать, – упрекнула меня она, целуя в щеку. – И Наташку взял бы с собой, я по ней ужасно соскучилась.

– Я и сам по ней соскучился, – пожаловался я. – Вечно с малолетками где-то болтается, поведением своим – ну точная копия сестрички старшей.

– Болтай-болтай, балаболка, – сказала Катька, продолжая меня обнимать.

– Ты же знаешь, Катька, – сказал я, беря ее под руку и увлекая вдоль по дорожке, и тем самым как бы продолжая прогулку. – Обманывать тебя я не стану, а если и привру немного, то только лишь для пользы дела.

Катрин рассмеялась и сразу стала прежней Катькой, которую я хорошо знал и помнил. Мы еще прогулялись немного, затем постояли, поговорили, посмеялись, вспоминая минувшие денечки, и Катька мне по секрету похвастала, что на ее имя теперь записана кооперативная 3-комнатная квартира, расположенная в самом центре города на третьем этаже – она даже показала мне свой дом-девятиэтажку, который одним краешком виднелся с того места, где мы стояли. Слушая ее рассказ, я вернулся к мысли о том, что Катька теперь замужем, и тут только до меня дошло, что она, поднимаясь по дороге, шла не прежней своей, королевской походкой, а какой-то новой, для нее необычно вальяжной, словно вразвалочку, что и смутило меня в первые секунды, когда я ее только увидел. Я сказал ей об этом, а она улыбнулась, погладила себя по чуть выпирающему из-под куртки животу и сказала, что у нее беременность шесть месяцев.

Мы постояли еще немного, вспоминая наши приключения годичной давности; Катьку во всей той истории особенно веселил тот момент, когда Гришка, придя ее у меня выкупать, совал мне пакет с деньгами.

– Надеюсь, это были не последние его деньги? – спросил я ее. – Тебе на бельишко да молочишко осталось?

Катька поглядела на меня хитро, потом сказала:

– Боюсь, что даже я не знаю, сколько он зарабатывает. Только теперь, конечно, я бы не позволила Гришке тебе такие деньги отдать – умная стала.

Я обнял ее и, нежно прижав к себе, сказал:

– Если честно, Катька, ты одна из немногих знакомых мне женщин, даже просто стоя рядом с которыми испытываешь гордость – красивая же ты, стерва! А теперь ты еще и слишком умной становишься. Ведь деньги, и ты теперь, надеюсь, знаешь это наверняка, все равно, что дым. Есть чуть больше, или чуть меньше – живи и радуйся. И по возможности наслаждайся. – Я ласково повернул ее к себе спиной и слегка оттолкнул от себя. – А теперь иди, не дразни меня, я, если хочешь знать, беременных женщин обожаю, они мне кажутся ужасно сексуальными.

– Ну, так в чем же дело, тогда пошли к нам, – нисколько не смутившись, предложила Катька. – Ты же не чужой для нашей семьи, спокойно можешь зайти в гости, причем, в любое время, когда тебе этого захочется. И ванная у нас есть, – глаза ее подернулись влажной поволокой. – И даже вода горячая в кране...

– Иди к черту, ведьмачка, – сказал я, отводя свой взгляд и будто не замечая Катькиных намеков. – У меня на горячую воду аллергия, ты же знаешь, в нашем городе она бывает только по праздникам. Прощай, я тебе желаю счастья, Катрин. – И я медленно пошагал вверх по улице.

Обернувшись через несколько шагов, я увидел, что Катрин по-прежнему стоит и провожает меня взглядом, на лице ее играла невинная улыбка, она казалась вполне счастливой и довольной собой. Глядя на нее, я даже слегка позавидовал Гришке – у него была такая роскошная жена.

1981 г.

Новелла вторая. Парткомиссия

Коктейль «Солнце в бокале»

Ликер Бенедиктин 20 мл.

Бренди 20 мл.

Ликер Мараскин 10 мл.

Яичный желток 1 штука.

В бокал по порядку: ликер Мараскин, желток, ликер Бенедиктин, бренди.

*Из нас любой, пока не умер он,
себя слагает по частям
из интеллекта, секса, юмора,
и отношения к властям
Игорь Губерман*

В тот день я пришел на работу в ресторан как обычно, в предобеденный час. Но не успел еще закончить все подготовительные дела, в кои входит раскладка товара и фасовка тары, как меня, позвонив в бар по телефону, вызвала к себе директор общепита Наина Васильевна.

Хорошо, что здание общепита расположено близко, идти туда было ровно три минуты. В небольшом директорском кабинете к моему приходу уже находились следующие лица: высокий, представительного вида черноволосый мужчина лет сорока, назвавшийся Владиславом – он оказался подполковником КГБ, приехавшим из Кишинева, и его помощник – молодой белобрысый щуплый капитан по имени Сергей; здесь же присутствовал и муж Наины Васильевны, работник той же Конторы и тоже в звании подполковника, только он, в отличие от гостей, был местным, и трудился в должности начальника районного КГБ; кроме них здесь находилась моя непосредственная начальница – директор ресторана Александра Семеновна, которая сидела, притаившись в самом темном уголке кабинета и заведующая производством ресторана – Клавдия Ивановна.

Едва я вошел и представился, как наш гость, Владислав, воззрился на меня холодным ошупывающим взглядом, от которого в моей голове в течение последующих нескольких мгновений, пока я усаживался на стул по правую руку от директорского стола, пронеслись все неблагоприятные поступки, совершенные мною с тех пор, когда я себя помню, то есть с пятилетнего возраста. Вспомнилось, например, что я, играя с друзьями в футбол, случайно, резиновым мячом выбил в соседском доме стекло. Вспомнилось и все остальное – и вплоть до сегодняшнего дня.

Наина Васильевна, – спасибо ей за это, – прервала обвал моих панических мыслей, сказав громким, властным голосом:

– Савва, довожу до твоего сведения, что завтра вечером в наш город приезжает партийная комиссия ЦК КПСС из Москвы, – она подняла указательный палец, – с проверкой, всего их будет девять человек. Могу успокоить тех, кто не в курсе, проверять будут не нас. Наша обязанность – кормить этих людей: организовать завтраки на протяжении десяти дней, что они здесь пробудут, и ужины, когда в этом будет необходимость, – обедать же они будут по месту работы. Ну и, кроме того, тебе, Савва, надо быть готовым к приему их в любое время дня и ночи, короче, твой бар на этот период превращается в кабинет специального назначения. Пока понятно? – прервала она сама себя. Я кивнул, после чего она продолжила: – Итак, по первому же звонку из райкома партии ты выпроваживаешь посетителей или посторонних, если они в это время в баре находятся, вешаешь табличку «Спецобслуживание», и тут же связы-

ваешься с заведующей производством, чтобы в паре с ней решить все вопросы, связанные с обслуживанием. Ну, там сервис, культура, музыка – за тобой, этому тебя, надеюсь, учить не нужно.

– Но, я извиняюсь, у меня в репертуаре совсем нет советских патриотических песен, в основном вся музыка танцевальная... и к тому же западная, – ввернул я на всякий случай.

Наина Васильевна от моих слов сморщилась, словно от головной боли и сказала:

– Запиши в звукозаписи все, что тебе требуется, любое количество кассет – мы оплатим. Ну и медленная зарубежная музыка подойдет, будут слушать, что есть. – Она неожиданно улыбнулась: – Главное, чтобы музыка способствовала аппетиту.

Затем слово взял Владислав:

– Обеспечивать охрану важных столичных гостей будут два наших сотрудника, одетых в гражданское. Они постоянно будут вместе с ними, по одному у каждой двери. Мы вас познакомим, Савва, и они все время будут находиться с тобой на связи.

Далее работник «невидимого фронта» внес еще несколько деталей по теме, уже не столь существенных, затем, как бы вскользь, заметил, слегка расслабив до этого свое твердокаменное выражение лица:

– Мы на тебя надеемся, Савва. Твое досье проверялось во всех инстанциях вплоть до Москвы, и твоя кандидатура получила одобрение.

– Одобрение на что? – спросил я, прикинувшись непонятливым, а сам подумал удивленно: «Надо же, даже на такую мелкую рыбешку как я, у них, оказывается, имеется досье».

– На то высокое доверие, что тебе оказано, – сказал Владислав с пафосом, чуть ли не торжественно. Я едва не рассмеялся ему в лицо: это «доверие» для нас, работников торговли, не несет с собой ничего, кроме головной боли: принимай этих начальничков, да еще по высшему разряду, учитывай и удовлетворяй все их желания и капризы, а в итоге – бар за эти 10 дней существенно потеряет в плане, а моя семья – в доходе, так как, кроме того, что я все это время не смогу обслуживать «нормальных» клиентов, мне придется иметь дело с людьми, которые не привыкли платить даже за собственный обед. Их расходы, как водится, будут оплачены за счет заведующей производством и бармена, а в особо «тяжелых» случаях – за счет общепита и городского торга. Сомнительное это удовольствие, скажу я вам, но вслух я произнес, конечно, совсем другое:

– Большое спасибо за доверие.

Директор, кивнув удовлетворенно при этих словах, отпустила меня. Надо сказать, что обслуживание всевозможных делегаций и комиссий стало для нас, работников ресторана, делом уже привычным – кто только не ездил к нам: республиканские министры, а изредка и союзные, а также их заместители; многочисленные работники ЦК Молдавии, управляющие различными звеньями народного хозяйства, отделами министерств и ведомств, проверяющие всех рангов, профилей и мастей, начиная с партийных и заканчивая инспекторами пожарными, спортивными и республиканского рыбнадзора, – все они бывали в наших краях достаточно часто, только вот из Москвы столь крупные фигуры еще не приезжали.

На следующий день с утра пораньше я с водителем общепита дядей Мишей Броверманом на его грузовике-будке отправился на районную базу смешанного торга и, проведя на ее продовольственных складах тщательную «ревизию», выбрал для нужд бара товаров эдак на восемь тысяч рублей. Заведующие 1-м и 10-м складами, от которых я обычно получал продукцию, мои добрые знакомые Валентин и Екатерина Илларионовна встали, естественно, на дыбы и дружно возмутились моим эгоистически-потребительским поведением, открыто заявляя, что я их обижаю. И дело не в том, что они меня не любили, нет, любили, конечно, и не без взаимности, только на этот раз я, отобрав лучшие из дефицитов, почти ничего им лично от себя не отдал, не оставил – эти товары предназначались для пользования партийных боссов по распоряжению

свыше, и на черта мне было еще кому-то за них доплачивать, я с этого для себя персонально, может быть, ничего не поймею, кроме, весьма возможно, недостачи.

Валентин – кладовщик склада №1, до конца не удовлетворенный моим объяснением, позвонил директору торгового предприятия, и мне, наблюдая за ним, посчастливилось увидеть странную метаморфозу: у него во время телефонного разговора резко, до окаменения изменилось лицо, из чего я понял, что Владимир Викторович, директор торгового предприятия, попросту послал его на три веселых буквы.

– Говорил я тебе, – сказал я Валентину мягко, когда он, глядя сквозь меня, застыл с трубкой в руке, из которой уже с минуту слышались короткие гудки, – не звони ты начальству, не напрашивайся на комплименты. – Я взял из его рук трубку, положил на место и продолжил: – Потерпи несколько дней, уедут столичные проверяющие, и мы будем дружить, как и прежде – полюбовно и взаимовыгодно.

– Хрен с ним, забирай все что хочешь, – только и выговорил возмущенный до глубины души Валентин и стал подписывать протянутую мною пачку накладных, чуть ли не прорывая их шариковой ручкой насквозь.

Загрузив с помощью водителя все выбранные мною товары в объемистую будку грузовика, я сунул в «бардачок» подарок – две бутылки водки «Столичная», так как дядя Миша, хотя и еврей по национальности, страстно любил выпить. Заметив этот мой «маневр», дядя Миша заметно повеселел, тепло поблагодарил меня, после чего мы отбыли напрямик в ресторан.

Пока я раскладывал всю полученную на базе продукцию по полкам склада и холодильникам, уборщицы по указанию директора вычистили мой бар до блеска, а вскоре, как я и ожидал, позвонил дежурный по райкому партии и сказал, чтобы я был готов к приему «гостей» к десяти вечера.

Я поднялся в кухню ресторана и заказал всевозможные салаты, закуски и пятнадцать порций горячих блюд: уже имея опыт подобных встреч, я был почти уверен, что вместе с гостями приедут и «отцы» города и района – как то: первый секретарь райкома, председатели гор- и райисполкома и иже с ними. Принимая во внимание, что среди гостей обязательно найдутся «старые пердуны» – пожилые диетчики-диабетчики возрастом под, а может и за 70 лет, но «не сгибаемые» ни временем, ни многолетней службой народу коммунисты, заказал сверх того легкую, диетическую пищу: блинчики, творог со сметаной и омлет по особому рецепту – на пару. Среди всей этой суеты я не забыл и про себя – заказал на свою долю кусок мяса с гарниром: кого волнует, что, работая в ресторане, бармен может помереть с голоду, если окажется чрезмерно стеснительным или же недостаточно расторопным. К приходу официантов, принесших все мною заказанное, я с помощью Виктории, самой любимой мною официантки, накрыл в баре стол, составив в ряд четыре обычных стола.

Когда в назначенное время приехало начальство, все в итоге оказалось примерно так, как я и предполагал: московских гостей было девять человек, – все они, включая двух дам, были одеты в строгие, темных тонов костюмы и держали себя они несколько напряженно и скованно. Кроме приезжих, были также и «свои»: «знакомые все лица» – завотделом ЦК МССР по партийной работе, довольно частый гость в нашем городе, и, соответственно, в ресторане – его я узнал по туповатой и самодовольно надутой роже; наш «папа» – первый секретарь райкома Юрий Никитович – высокий представительный мужчина; и еще один секретарь райкома – соседнего, Вулканештского района, – его первейший друг и собутыльник. Как я и предполагал, среди московских оказался и «старпер» – правда, всего один, но его я сразу определил за главного: это был сухой и подтянутый, среднего роста старичок на вид чуть за 70, с хитровой крестьянской улыбкой уже почти выцветших серых глаз, в которых светился недюжинный ум – он был, несомненно, интеллигентом, правда, вероятнее всего, в первом поколении, так как вы

сами прекрасно знаете, куда делись уже при советской власти наши предыдущие поколения интеллигенции...

Когда вся эта партийная братия вошла в бар, я, поздоровавшись из-за стойки, широким жестом пригласил всех за стол, а официантка Нина, пододвигая стулья, стала всех рассаживать. Старичок тем временем что-то негромко сказал нашим, местным руководителям, сгрудившимся у входа, и все они, во главе с завотделом ЦК Молдавии, пятясь задом, покинули бар, но при этом подобострастно вполголоса прощаясь и желая оставшимся приятного аппетита.

Я теперь уже с интересом поглядел на старичка, который, не повышая голоса, произнес всего два-три слова, выпроводил высокое республиканское, а заодно и местное начальство вон. Не только я, но и Нина, официантка, которой доверили обслуживать высоких гостей, была поражена этим удивительным фактом. Мы ведь уже привыкли, что подобные мероприятия заканчиваются обычно грандиозными попойками совместно с местным начальством, и теперь моя коллега Нина, пребывала в большой растерянности, как, впрочем, и я сам. Что ж, похоже, этот случай был из ряда вон. Да, подумал я, вспоминая досужие разговоры все знающих обывателей, теперь смело можно было предположить, что партийная проверка по нашему району предстоит нешуточная.

Вскоре, в ходе общения с членами комиссии, я выяснил, что старичок этот работает в должности заместителя заведующего отделом ЦК КПСС. Согласно своей должности, этот товарищ, конечно, был для местных, молдавских руководителей весьма крупной фигурой, тем более что он приехал не просто в гости – попить молдавского вина, – а прибыл проверять работу партийных органов нашего района за какой-то там отчетный период, а знающие люди говорили, что это в основном из-за жалоб граждан на руководителей райкома партии, которые дошли аж до Москвы. Кроме крупного цэковского чина, как я уже говорил, среди приезжих было еще восемь специалистов различных профилей, среди которых уже упомянутые мною высокие и энергичные – обе на вид чуть моложе тридцати, симпатичные женщины, сказать по правде, чем-то даже схожие между собой: строгого вида и одной масти темные шатенки. Они были одеты в практически одинаковые, строгого покроя костюмы, хотя и прекрасно на них сидевшие.

У одной из них, той, что помоложе, на отвороте пиджака был комсомольский значок, а я, признаться, питаю некоторую слабость к женщинам – комсомольским работникам, и отчего-то считаю, что этот значок каким-то образом прибавляет им сексуальности, а может, как знать, это у меня небольшое такое извращеньице.

Женщине было лет 25—26, красивое и холеное, несколько официальное в этот вечер лицо ее оттеняла строгая прическа.

Вторая, всего несколькими годами старше первой, внешне, на мой взгляд, была не столь интересна, и взирала на окружающих еще более надменно, а может, официальная обстановка или должность и не позволяли ей быть другой; у нее также имелся значок, только покруче, чем у первой – депутатский, верховного совета России, впрочем, я в них не очень-то разбираюсь.

Я представил нашим гостям список деликатесов на выбор – кто что предпочитает, и, сказав, что все необходимые продукты находятся здесь, в баре, предложил в соответствии с личными вкусами каждого внести сразу после ужина дополнения и замечания в меню на весь период их пребывания, добавив, что официант запишет все, а я и повара «возьмем на вооружение».

Легкая итальянская музыка сопровождала ужин, а ближе к его окончанию Матвей Остопович – так звали главного московского гостя, – взяв в руки список, сказал во всеуслышание:

– Ничего такого особого, Савва, я думаю, нам не потребуется, надо жить по средствам и быть скромнее. – И обернувшись к коллегам, сказал: – Правильно я говорю, товарищи?

«Товарищи», активно пережевывающие в этот момент пищу, согласно закивали, но мне показалось, что никто из них толком его слов не расслышал.

Несколько позднее, когда все отужинали, я запустил в работу кофеварку, и она вдруг засвистела, запела на разные голоса, сбрасывая через клапан лишний пар (интересное все же дело: все приборы, кипящие воду – будь то обыкновенный чайник, подвешенный над огнем костра или стоящий на газовой плите, электрические чайники и самовары, и даже, как в нашем случае, фирменная кофеварка «Уголини» – все они поют, хотя и разными голосами, но на один мотив, радуя душу предчувствием скорого вкушения чая (или кофе). Матвей Остапович настороженно поднял голову и спросил с легким беспокойством:

– А что это ваша кофеварка так свистит, не взорвется ли?

– Не должна, – сказал я. – Хотя ее и сделали проклятые капиталисты – итальянцы, до сих пор эта машинка нареканий не вызывала. – И добавил: – Боюсь только, как бы она не попыталась взлететь и отправиться в родные края, а то, судя по звукам, очень похоже на то.

Присутствующие, принимая шутку, рассмеялись, после чего напряжение, возникшее на первых минутах нашего знакомства, спало, после еды все немного расслабились; кофеварка перестала, наконец, свистеть, и вся компания, возглавляемая шефом, выйдя из-за стола, стала рассаживаться у стойки. Я сделал несколько чашек кофе и чая – каждому по его вкусу; официантка тем временем убрала посуду, а Матвей Остапович присел напротив меня и стал задавать самые разные вопросы о жизни в нашем районе, о том, чем могут быть недовольны люди – жители района: простые труженики, колхозники, рабочие и мелкие служащие. Затем он стал забирать по темам глубже, коснулся даже философии, и тогда я, как бы сдаваясь, шутливо поднял руки вверх, после чего он перевел разговор на литературу и поэзию, стал перечислять советских и зарубежных писателей и поэтов, при этом он порой называл имена запрещенных у нас литераторов, спрашивая, знакомы ли они мне.

То, что запрещенных литераторов в нашей стране оказалось такое множество, было для меня откровением, и я ему честно в этом признался. Познания мои по сравнению с его собственными оказались, мягко говоря, скудными, но, тем не менее, Матвей Остапович под конец похвалил меня за полноценное общение и, сказав «спасибо за ужин и за беседу», встал неожиданно легко для своего возраста и пошел на выход, все остальные поднялись со своих мест и направились следом; я вышел на улицу вместе с ними. Уже садясь в машину первого секретаря райкома (который уступил высокой комиссии свою «Волгу», пересев в менее комфортабельный «уаз»), Матвей Остапович, задержавшись на секунду, сказал мне:

– Сегодня все было хорошо, замечаний и нареканий нет, только официантку эту в следующий раз видеть в баре не хочу, прошу заменить ее на другую.

– Будет сделано, – ответил я как солдат. Не спросишь же его, в самом деле, чем ему эта не понравилась, не угодила.

Три машины отъехали одновременно: машина первого секретаря райкома, а также председателей райисполкома и горисполкома, и неспешной вереницей направились к гостинице райкома партии, – их прежним хозяевам теперь, в течение десяти ближайших дней, предстояло мотаться по городу и району в обычных «уазиках».

Итак, начиная со следующего дня каждое утро, около восьми часов, группа проверяющих приезжала в бар, только уже в несколько усеченном составе – всего пять человек, – где завтракала, затем отправлялась на работу в райком; другие четверо, как я понял, находились на местах – в совхозах и колхозах – практически безвыездно: эти люди даже на ночь не возвращались в райкомовскую гостиницу – то есть, были приняты местными властями на полное довольствие. Примерно через день «моя» пятерка в том же составе и ужинала в баре, обедали же всего два раза за весь срок. Никаких гостей эти работники с собой не приводили, вольностей и пьянства не допускали, а Матвей Остапович как-то даже пожурил меня за то, что я дамам вместе с кофе по своему вкусу подал малюсенькие рюмочки, размером с наперстки, с рижским бальзамом. На деликатесы, которые я с таким трудом вырвал на базе, москвичи тоже особо не налегали, насытились, наверное, ими у себя в столице, поэтому мне приходилось

с каждой их трапезой списывать то баночку икры, то печени трески, то кусок балыка, или еще что-либо из продуктов, для того чтобы обозначить хоть какое-то движение – расход дефицитного товара, – а то ведь директор общепита по отъезду высокой комиссии могла скомандовать сдать их остатки на склад, что было бы мне весьма обидно и досадно.

В один из вечеров, как раз в то время, когда высокая комиссия ужинала, дверь, ведущая из фойе в бар, открылась, и вошел мой юный товарищ Кондрат. С высоты своего немаленького роста он оглядел присутствующих долгим изучающим взглядом и спросил меня:

– Надолго сие мероприятие, коллега?

– Как ты сюда вошел? – от удивления округлив глаза, спросил я его шепотом, зная, что никто из посторонних не может попасть внутрь.

– Просто сказал охраннику, что я твой напарник и все, – ответил Кондрат беспечно. Эти же слова, по-видимому, слышал Матвей Остапович, который как раз в это время встал, заинтересованный появлением в баре нового человека, и подошел к нам.

– Вы не возражаете, если мой напарник войдет и побудет в подсобке? – сделал бешеные глаза Кондрату, обратился я к нему.

– Если он тебе нужен, – ответил Матвей Остапович, – то пусть его, конечно.

Кондрат прошел в подсобку, я – следом, где мы, усевшись, один на стул, другой на бездействующий мармит и закурив, заговорили о наших собственных делах. В связи с приездом в наш город партийной комиссии у меня нарушился обычный рабочий и даже жизненный ритм: отсюда, из ресторана, я теперь вообще домой не уходил – ужин заканчивался порой около 23 часов, а в 7 утра – накануне завтрака, мне уже необходимо было вновь быть на месте – при парадной форме и шпаге, как говорится, то есть, пардон, гладко выбритым и в костюме при бабочке. Спать из-за этого сумасшедшего ритма приходилось в баре, купаться и бриться в душевой ресторана, а Кондрат каждый день-два приносил свежие сорочки, которые ему передавала для меня моя мама. Иногда он приходил не один, а уже в ночное время приводил с собой пару девушек, и тогда мы, если, конечно, позволяло время, накрывали для них шикарный стол с лучшими советскими закусками и разнообразными импортными напитками. Девушки, буквально ошарашенные столь щедрым угощением, безропотно предавались любви с нами тут же, в баре, на матрасах, а утром зачастую не хотели уходить, ожидая продолжения банкета.

Покурив, пуская дым в окошко, и наметив наши нехитрые планы на ближайшие несколько дней, мы вышли из подсобки, но Матвей Остапович, уже поджидавший нас, отозвал Кондрата в сторонку, решив завести с ним разговор о поэзии, в частности о творчестве Сергея Есенина. Однако уже спустя пару минут, выяснив, что Кондрат имеет весьма смутное понятие о предмете разговора, Матвей Остапович потерял к нему всякий интерес и подсел за дальний столик к одному из своих коллег, а Кондрат тем временем направился к младшей из женщин, Веронике, – обе они, стоя у стойки, попивали кофе. Подойдя, он как бы невзначай опустил Веронике руку на бедро. При виде этого меня чуть кондрашка нехватила, – нет, не Кондрат, который мой друг, а тот самый – настоящий, – но Вероника, спокойно полуобернувшись к нему, сказала:

– Юноша, я, может быть, и кажусь вам сверстницей, с которой можно заигрывать, но по занимаемой должности я выше вашего первого секретаря райкома, так что уберите, пожалуйста, руку с моего тела.

Кондрат, исполнив требуемое, хотя и неспешно, самым обыденным голосом спросил:

– Так что же теперь, вас и любить нельзя, если вы так высоко стоите над нами, простыми смертными?

Вторая женщина, Раиса, повернулась к Кондрату и, снисходительно улыбнувшись, сказала:

– Ты должен любить нас платонически, как любишь... ну, родной комсомол, например.

На этом разговор был закончен, Кондрат, посуровев лицом, отошел от женщин, а я облегченно выдохнул воздух из легких, впервые, наверное, с начала этого разговора.

– А кто эта, молодая? – наклонившись к моему уху, спросил Кондрат.

– Инструктор ЦК ВЛКСМ, то есть, кстати говоря, твой непосредственный начальник, – пошутил я, имея в виду, что Кондрат всегда и везде, когда это было необходимо для наших амурных дел, представлялся работником райкома комсомола.

Следующим вечером, за день до окончания работы и отъезда комиссии, Матвей Остапович по моей подсказке и «наводке» посетил винсовхоззавод Чумайский, который, кстати сказать, был известен тем, что являлся официальным поставщиком вин ко двору ее величества, королевы Англии. Накануне Матвей Остапович сообщил мне, что его старый приятель, живущий в Кишиневе, должен сегодня приехать навестить его, вот и я решил посоветовать ему запастись по этому случаю приличным вином.

С наступлением вечера один из членов комиссии, мужчина лет сорока по имени Валерий – он был постоянным спутником Матвея Остаповича и, как я подозревал, одновременно его личным секретарем и телохранителем, – хмурый необщительный человек, не сказавший при мне за эти дни и пары слов, принес в бар огромный коричневой кожи потертый портфель и взгромоздил его на стойку. Он и прежде изо дня в день таскал этот портфель с собой, но только сегодня, в последний день, я смог оценить разрешающие возможности этого портфеля – когда я заглянул внутрь него, то увидел там не менее 20 бутылок с вином. Я помог Валерию извлечь их наружу, – это были покрытые пылью и паутиной стеклянные бутылки незнакомой мне формы и с неизвестным содержимым. Впрочем, горлышки бутылок были запечатаны сургучом, из-под которого торчали нитки с клочками бумаги, на которых значилось что вино в данной бутылке под названием таким-то, урожая такого-то года, изготовлено в таком-то месте. Рассматривая их, я обнаружил, что все эти бутылки по датам розлива являются примерно моими «сверстниками» – 1954—1958 годов, а некоторые были даже и постарше. Выставив их на стол, я подготовил соответствующие случаю винные бокалы – особые, чешского производства, ручной работы, и мы стали ждать гостя Матвея Остаповича.

Его кишиневский друг появился в баре около восьми часов вечера. Это был невысокий, худощавый мужчина лет пятидесяти, малоприметной внешности. Впечатление производили лишь его глаза – они смотрели пронизательно, будто лазером ощупывали. Мужчина прибыл не один, вначале у входа возникло какое-то движение, потом вошли двое гражданских с пытливыми глазами ищек: они внимательно осмотрели весь бар, один даже заглянул ко мне в подсобку, но прежде дежурный у дверей сделал мне знак рукой, что эти люди – свои. Затем они разделались, заняв места снаружи у дверей, по одному у каждой. Таким образом, у нас сегодня была двойная охрана.

Этот прощальный вечер, на котором вновь не оказалось ни одного из представителей местных властей, начался как настоящая дегустация: десять человек расселись вокруг стола, и я, заняв место у торца, поочередно доставая бутылки, объявлял марку вина, год урожая и закладки, затем осторожно, с некоторым даже благоговением, стирая с каждой бутылки, скажу здесь без преувеличения, пыль времен, откупоривал ее, отливая первые 50 граммов в отдельный бокал, затем разливал их по бокалам гостей, стараясь не взбалтывать содержимое и оставляя осадок по возможности в целости. После чего я поднимал свой бокал, делая вращательное движение, чтобы вино как бы размазалось по стенке бокала и затем пленкой опустилось вниз (я неоднократно наблюдал эту процедуру во время профессиональных дегустаций, на которых мне доводилось присутствовать), потом вдыхал аромат напитка, пробовал вино на язык, и лишь после этого делал первый глоток. После чего все присутствующие брали свои бокалы, пробовали вино, затем медленно выпивали.

Впервые, пожалуй, в моем баре вино пилось столь глубокомысленно и торжественно, да и то сказать: представленные напитки более чем соответствовали тому. Конечно и я, и гости,

были, в лучшем случае, обыкновенными любителями вина и не более того, но на мое предложение Матвею пригласить от винзавода технолога, который мог бы провести дегустацию более грамотно, чем я, он сказал:

– Ты знаешь, Савва, когда мы только выбирали вино, директор завода чуть не плакал, прощаясь с каждой бутылкой, а ты еще хочешь, чтобы мы пригласили технолога, тогда, боюсь, его вообще откачивать придется.

– Скажите, – спросил я, усмехнувшись на эти слова, – а кто этот ваш знакомый, который прибыл сюда с охраной?

– А ты разве с ним не знаком? – удивился Матвей. – Он уже два года как ваш молдавский министр КГБ. Генерал-лейтенант Ноздренко. – И наклонившись к моему уху, добавил: – Его за некоторые прегрешения сослали сюда из Москвы, но не думаю, что он тут у вас надолго задержится – не тот уровень.

И действительно, подумал я, когда Матвей отошел и присел к своему другу за столик, в нашей маленькой плодово-ягодной республике, в которой за всю ее историю не был задержан ни один, даже хоть какой-нибудь заваливающий шпион, даже и майор, а в крайнем случае полковник вполне мог бы быть министром безопасности, а не то что генерал-лейтенант.

Неторопливо смакуя сладкое, тягучее вино – а все сорта, представленные здесь, были с добавлением сахара, иначе, понятное дело, оно не сохранились бы так долго, присутствующие – и я не исключение – уже через час-полтора после начала возлияний оказались в довольно приличной стадии подпития.

Матвей Остапович сегодня пребывал в добром расположении духа, он все время тонко шутил, смешал окружающих, затем, проведя своего друга, который торопился вернуться в Кишинев, сел напротив меня и мы стали по памяти декламировать стихи; я – Блока, Есенина и Пушкина, он – непочитаемых и не понимаемых мною (в тот период жизни) Маяковского, Мандельштама и Пастернака. Примерно через час, когда я выдохся, то есть, мои поэтические познания истощились, Матвей Остапович пригласил принять участие в поэтическом марафоне Веронику и Раису, скромно сидевших до этого в одной из угловых кабинок. Оставшиеся представители комиссии, уловив лирическое настроение своего шефа, решили использовать его с пользой для себя, для чего, отозвав меня в сторону, краснея и стесняясь, выпросили четыре 750-граммовые бутылки «Сибирской» водки крепостью 45%, и тут же незаметно покинули бар.

Часам к десяти вечера я уже с трудом шевелил губами, голова моя работала замедленно и, кроме как рубаи Омар Хайяма, я уже ничего больше не мог воспроизвести по памяти. Тем, кто хорошо меня знал, это говорило о том, что я нахожусь в предпоследней стадии опьянения. (Последняя – известна практически всем: лицом в салат).

Кондрат, появившийся на вечеринке незаметно даже для меня – охрана, казалось, уже запросто впускала его сюда как своего, – сидел теперь у стойки рядом с Вероникой и что-то с улыбкой нашептывал женщине на ушко, а та смеялась, на мой взгляд, чересчур игриво и громко, а может быть, я попросту немного ревновал ее к Кондрату. Матвей Остапович, видимо, почувствовав в какой-то момент, что «нагружен» сверх меры, огляделся растерянно по сторонам, а я, заметив это, подошел к нему, завуалировано предложил свою помощь, и он не отказался. Поблагодарив меня кивком, он оперся на мою руку и мы вместе, словно два добрых приятеля, чуть ли не в обнимку выбрались на свежий воздух. Три исполкомовские машины, как и во все предыдущие дни, стояли у дверей бара; невозмутимые водители, немало повидавшие на своем веку и умеющие молчать в самых разнообразных обстоятельствах, сидели внутри своих «волг» и подремывали. В одну из машин погрузился сам Матвей Остапович с кем-то из коллег; во вторую села Вероника, сопровождаемая Кондратом – при этом было слышно, как она объясняла ему, что истинный джентльмен всегда должен находиться рядом со своей дамой. Вместе с ними я отправил охранников, после чего машины тронули с места, увозя всех вышеперечисленных товарищей.

Вернувшись в бар, я обнаружил там одну лишь Раису, которая сидела за стойкой и, казалось, дремала, опустив голову на сложенные руки. При моем появлении она приподняла голову и спросила слабым голосом:

– Уже все ушли, Савва?

– Да, все ушли, – подтвердил я, присаживаясь рядом и осторожно обнимая женщину за плечи – даже сейчас, когда мы остались вдвоем, я не был уверен в том, что, пытаясь с ней сблизиться, поступаю правильно – ведь нельзя же с такой высокопоставленной мадам вести себя как с простой провинциалкой.

Раиса на секунду оторвала руки от своего лица, и я, заглянув в ее глаза, внутренне содрогнулся – они показались мне абсолютно трезвыми и холодными.

– Признайся же, коварный, – сказала она игривым голосом, – ведь ты хотел этого, хотел остаться со мной наедине?

– Да, конечно хотел, – «сознался» я, улавливая в своем голосе фальшивые нотки, которые, надеюсь, Раиса отнесет на счет моего опьянения. – Я все это время мечтал, что мы хотя бы один вечер посвятим друг другу.

– И где ты предполагаешь меня соблазнить? – вновь спросила она, посмотрев прямо мне в глаза, затем обвела взглядом помещение бара. – Здесь?

Я хотел было сказать, что не более чем в пяти минутах ходьбы от ресторана у меня имеется квартира с удобствами, но, подумав, произнес твердо:

– Да, прямо здесь и прямо сейчас.

– И как это ты себе представляешь? – задала Рая очередной вопрос. – Как ты меня собираешься любить?

– Я буду тебя любить, как родную партию – сильно и самозабвенно, – ответил я, слегка раздосадованный ее вопросами и, обняв за талию, одним движением стянул женщину с пуфика и поставил на пол. – Потому, что твои объятия, Рая, обещают мне райское наслаждение.

Женщина, качнувшись, прижалась ко мне всем телом, я крепко обнял ее и поцеловал в шею. Затем мне пришлось выпустить ее из своих объятий, но только для того чтобы вытащить и мгновенно постелить матрас, стыдливо накрыв его не совсем свежей простыней. Моя же партийная пассия – между прочим, кандидат философских наук, – являвшаяся женой широко известного в узких специфических кругах писателя, в это время грациозно, но все же при этом слегка покачиваясь, ступая по коврам бара, последовательно снимала с себя по одному предмету туалета, бросая их на кресла, в результате чего все они оказались заняты ее вещами, а их хозяйка вернулась в мои объятия обнаженной.

Что ж, это многообещающее начало, подумал я, одним движением укладывая свою высокопоставленную гостью на матрас и вторым – взгромождаясь на нее, посмотрим теперь, чего можно ожидать от Раисы в постели. Однако в постели она – ответственный партийный работник, заведующая сектором ЦК КПСС по работе с молодежными организациями, – оказалась совсем не нимфоманкой: она лежала подо мной скованная, на ласки мои почти не отвечала и мне пришлось изрядно попотеть, прежде чем Раиса немного расшевелилась и стала мне неуклюже помогать, подмахивая бедрами, причем делала она это как-то порывисто и не в такт. Но я, признаться, уважаю и таких дам – независимо от возраста и социального статуса – не похотливых и не разболтанных в постели; пожалуй, я был даже рад, что Рая именно такая, а не какая-нибудь развращенная фурия – а вдруг я не смог бы удовлетворить ее начальственное тело так, как ей бы того захотелось – что тогда? А так я почти наверняка знал, что ночь любви у нас будет долгой, и что Раиса, отдавая мне всю себя, имеет все шансы получить полное удовлетворение.

В конце концов, именно так и случилось: моя пассия, перестав стесняться, уже со второго захода стала заметно раскованней и активней, и я услышал, к своему удовольствию, и ахи, и охи, и вздохи, и даже обращенные ко мне слова любви. На этот раз, после гораздо более продолжительной любовной схватки, мы обнялись и тотчас уснули.

Проснулись мы уже под утро от прохлады, проникающей с улицы в бар. Часы показывали пять утра, когда Раиса, размягченная алкоголем, любовными играми и сном, потянулась сладко на матрасе и сказала:

– И чего это я, дура, с первого дня тебе не отдалась? А ведь хотела. К черту эту партийную, а заодно и семейную мораль, столько времени зря потеряли, – и она, в стеснении пряча глаза, уткнулась лицом мне в плечо. Я не ответил, потому что слова эти были сказаны просто так, а только крепко обнял ее и она, затихая в моих объятиях, вскоре почувствовала, как мое твердое «естество» уткнулось ей в живот и я опять ее «захачиваю», поэтому сказала чуть ли не просительным тоном:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.